

ΣΥΣΣΙΤΙΑ

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВИКТОРОВИЧА АНДРЕЕВА

Государственный Эрмитаж

Издательство

«АЛЕТЕЙЯ»

Санкт-Петербург

2000

ISBN 5-90350-238-7

УДК 938(082)
ББК 63.3(0)32я43
С 40

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Ответственный редактор:

В. Ю. Зуев

Редколлегия:

*Е. Ю. Андреева, А. А. Дубровский, Ю. П. Калашник,
К. К. Марченко, Д. А. Мачинский, С. Р. Тохтасьев,
Л. В. Шадричева (председатель)*

Рецензенты:

д-р ист. наук *Е. Н. Носов*
(ИИМК РАН)

д-р ист. наук *М. Б. Щукин*
(Государственный Эрмитаж)

ISBN 5-89329-236-7

9 785893 292367

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2000 г.
© Государственный Эрмитаж, 2000 г.

национальных реалистических школ и тем самым конец античного канона. Но на протяжении двух – трех десятилетий описанный тип переживания и изображения реальности еще остается универсальным языком искусства. Те его ветви, которые испытывали потребность выразить окружающую жизнь как эстетический феномен, в прямой или опосредованной форме тяготеют к воспоминаниям и традициям стилизованной античности – другой эстетический язык им еще не дан. Таковы некоторые церкви и особняки Бовэ, построенные в Москве после пожара 1812 года – например, церковь Всех Скорбящих на Большой Ордынке и, особенно, ее колокольня (приписываемая Баженову, несмотря на ее облик, менее всего баженовский). Таковы некоторые поместные усадьбы, где античные и антикизирующие формы, обычно выдержанные в малом масштабе, сочетаются с удобствами, исполнены ощущения

истинной человекосоразмерности, создавая удивительный сплав человеческого тепла и классического совершенства. Такова, например, усадьба Усачевых (позднее Найденовых), построенная в 1829 – 1831 годах в пригородной зоне Москвы, но ныне вошедшая в черту города (санаторий «Высокие горы» возле Курского вокзала). В этот же канон входит живопись Венецианова и его учеников Тыранова, Сороки, братьев Чернецовых. Античности как таковой здесь, как правило, нет, но она напоминает о себе в классической ясности и особой эстетической организации самых, казалось бы, обычных интерьеров, сцен и архитектурных пейзажей. Самый ясный пример – «Рыбаки» Г. В. Сороки.

Этому краткому, но ценному периоду суждено было войти составной частью в грандиозный заключительный синтез «русской античности» в творчестве Пушкина и быть в нем преодоленным.

И. В. Тункина

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ СТЕМПКОВСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ *

Имя Ивана Алексеевича Стемпковского (1788–1832), одного из создателей классической археологии в России, сегодня практически забыто и малоизвестно даже в кругах специалистов. Между тем, современные археологи-классики работают над решением тех задач, которые были поставлены им перед отечественным антиковедением 176 лет тому назад.

Биографические сведения о И. А. Стемпковском в литературе достаточно скупы и грешат многочисленными ошибками. Достоверными источниками об основных вехах его жизненного пути остаются архивные документы, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей. Даже точную дату и место рождения ученого мне удалось установить сравнительно недавно благодаря его записи, сохранившейся в альбоме акад. П. И. Кёппена в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Запись для Кёппена сделана И. А. Стемпковским в Вене в октябре 1822 г.¹: «Исполняя желание любезного хранителя сих листков, присоединяю время и место моего рождения: 14 июня 1788 года, в с. Никольском на Волге близ Царицына, в Саратовской губернии» (РО ИРЛИ. Отд. пост. № 10102. Л. 31 об.; Тункина. 1987. С. 225). В обстоятельной биографии И. А. Стемпковского, тепло написанной А. Б. Ашиком, указаны другой год – 1789, без числа и месяца, и место рождения – село Рязановка, Петровского уезда, Саратовской губ. (Ашик. 1863. С. 907). Здесь местом рождения ошибочно названо

родовое имение, которое унаследовал Иван Алексеевич после смерти отца – в Петровском уезде Саратовской губернии по данным его послужного списка на 1831 г. И. А. Стемпковский владел 32 душами крестьян мужского пола (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4–1831. Д. 105. Л. 109 об.). Неверные сведения о дате и месте рождения Ивана Алексеевича перешли в другие статьи о нем (Юргевич. 1889. С. 37. Прим. 1; Ф. К. 1909. С. 377; Веселовский. 1915. С. 186; Sztetyło. 1969. S. 44).

Род Стемпковских, по сообщению его двоюродной праправнучки Э. В. Журомской (Москва), имеет польские корни. Прадед Ивана Алексеевича Яков (Яков), польский шляхтич, троюродный брат мстиславского помещика и воеводы Иосифа, с которым Яков имел один герб, бежал в Великороссию, затем в Малороссию, спасаясь от преследований римско-католической церкви, так как был «греческого» (т. е. православного) вероисповедания, и умер в Смоленске в 1734 г. Сын Якова Ерофей в 1762 г. принял российское подданство; один из сыновей последнего Алексей, дослужившийся до чина статского советника, стал отцом четверых сыновей и четырех дочерей, среди которых был Иван Алексеевич Стемпковский. О его матери известно лишь то, что она была дочерью казачьего полковника, остановившего войска Е. Пугачева. Современница Стемпковского А. О. Смирнова-Россет, писавшая свои мемуары по памяти, в разных случаях называет того то Цветогоровым, то Цыпленковым (правильно – Цыплетев)

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 97-06-80371.

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю. В текстах цитируемых архивных источников курсивом выделены авторские подчеркивания.

(Смирнова-Россет. 1989. С. 145, 412). В переписке императрицы Екатерины II с Г. А. Потемкиным упоминается полковник Иван Еремеевич Цыплетев, комендант Царицына, сумевший с рекрутами-новобранцами и местными купцами отбить два жестоких штурма, предпринятых Е. Пугачевым 21–22 августа 1774 г. незадолго до прибытия туда А. В. Суворова. Полковник был жив еще в 1788 г., в 1782 г. он писал Потемкину из Саратова, прося продлить срок службы (Екатерина II. 1997. С. 40, 592, 594–595). И. Е. Цыплетев являлся дедом Стемпковскому со стороны матери и, скорее всего, мальчик был назван Иваном именно в его честь.

Рано осиротевший Стемпковский получил первоначальное образование в Саратовском народном училище, которое закончил в 1804 г. и в 16-летнем возрасте 14 сентября того же года поступил на военную службу под начальство своего дяди Ф. А. Кобле² подпрапорщиком в Ладоский пехотный полк, где 25 мая 1806 г. был произведен в прапорщики. «Сын бедного дворянина и племянник жены коменданта [Одессы. – И. Т.] Кобле, он находился при ней в Одессе, когда Ришелье³ приехал начальствовать в этот город. Дюку мальчик понравился, он воспитал его, определил в службу, взял к себе в адъютанты и деятельно употреблял по службе. Можно сказать, что Стемпковский вырос вместе с Одессой и принимал участие в устройстве нового портового города. Светская образованность была в нем отличная, а ученость его по археологической части простиралась до того, что он был избран членом Французского института», – вспоминал известный мемуарист Ф. Ф. Вигель (Вигель. 1893. С. 210). Обстоятельства знакомства Ивана Алексеевича с Херсонским военным губернатором и градоначальником Одессы иначе вспоминал керченский археолог А. Б. Ашик – на одном из смотров Ладоского пехотного полка молодого офицера заметил герцог (Ашик. 1863. С. 907), что оказало

решающее влияние на последующую судьбу и быструю служебную карьеру Стемпковского: 30 августа 1808 г. он назначается дивизионным адъютантом и личным секретарем Ришелье (официально был им вплоть до 1815 г., а фактически продолжал состоять до конца 1819 г.).

Ришелье сделал удачный выбор, обратив внимание не только на светскость молодого человека, но и на его обширные познания в различных науках, полученных, главным образом, путем самообразования: по данным формулярного списка Стемпковский владел французским, немецким, итальянским языками, изучал арифметику, геометрию, историю, географию, умел чертить и рисовать. Мемуаристы (А. Б. Ашик, Ф. Ф. Вигель и др.) единодушно отмечают редкие душевные качества и открытость характера Стемпковского, заслужившего «отеческую любовь и искреннее уважение» Ришелье. Благородство, редкое бескорыстие, способность к самопожертвованию, ясность ума, исключительное трудолюбие и ответственность за порученное дело были высоко ценимы всеми, с кем ему довелось общаться. Стемпковский перенял от своего покровителя склонность к пуританскому образу жизни, отсутствие стремления к роскоши, демократизм в общении.

До нас дошел литографированный портрет Ивана Алексеевича, выполненный в Париже Э. Бушарди (Рис. 1). Его подлинник когда-то хранился в музее Одесского общества истории и древностей. «Наружность имел он приятную, а характер кроткий и твердый, т. е. истинно благородный», – вспоминал Вигель (Вигель. 1893. С. 211).

Совершая частые поездки по служебным делам, Стемпковский увлекся классической археологией Северного Причерноморья, главным образом, нумизматикой, эпиграфикой и исторической географией. По свидетельству его друга И. Мефреди (Maiffredy), с 1809 г. Иван Алексеевич стал собирать коллекцию

² Кобле, Коблен или Коблей (Cobley) Фома Александрович (1761–1828), генерал-майор. Родом шотландец, сын английского консула в Ливорно, на русской службе с 1788 г., был адъютантом у М. И. Кутузова, затем служил в Николаеве, с 1801 г. одесский комендант и шеф Ладоского пехотного полка, градоначальник Одессы после отъезда Ришелье во Францию (с конца 1814 по 18 ноября 1815 гг.). Фамилия Кобле сохранилась в топонимике окрестностей Одессы в названии имения Коблевка (в первой половине XIX в. – почтовая станция). Кобле был женат на родной сестре матери И. А. Стемпковского, которая, соответственно, приходилась ему тетей. Прибыв в Поволжье в составе комиссии по приказу Екатерины II, Кобле тайком увез девушку из Царицына верхом на лошади и обвенчался с ней на первой почтовой станции. Родственниками Стемпковского являлись дети Кобле: дочь Клавдия Фоминична (р. 1801) была замужем за маркизом Филиппом Осиповичем Паулуччи (1779–1849), в 1812–1829 гг. генерал-губернатором остзейских провинций (Эстляндии с 1819 г., потом Курляндии и Лифляндии); сын Аполлон Фомич (р. 1811) управлял имением Коблевка. Родная сестра генерала А. Ф. Кобле Генриетта Александровна (1764/1765–1843) с 1784 г. была замужем за адмиралом, морским министром Николаем Степановичем Мордвиновым (1754–1845), а одна из их дочерей Вера Николаевна (1790–1834) – женой обер-прокурора Сената Аркадия Алексеевича Столыпина (1773–1825) (Смирнова-Россет. 1989. С. 145, 412, 663; Мординова. 1990. С. 412–413).

³ Герцог Арман Эмануэль Софи дю Плесси де Ришелье (Richelieu, 1766–1822), французский и русский государственный деятель, генерал-лейтенант. Во время революции 1789 г. покинул Францию, в 1790 г. поступил на русскую военную службу. Участник русско-турецких войн, в том числе штурма Измаила (1790) и коалиционной войны 1793–1794 гг. против революционной Франции; с 1795 г. жил в России. Херсонский военный губернатор с подчинением ему Екатеринославской и Таврической губерний, войск крымской инспекции (1805–1814), одновременно градоначальник Одессы (1803–1814). Внес значительный вклад в экономическое и культурное развитие Северного Причерноморья. В 1814 г. после реставрации Бурбонов вернулся во Францию и стал первым министром и министром иностранных дел французского короля Людовика XVIII. О нем см.: Дружинина. 1970. С. 187–202.

ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ
СТЕМПОВСКІЙ.

Рис. 1. И. А. Стемпковский. Литографированный портрет работы Э. Бушарди (Париж)

античных монет. Нумизматические памятники он приобретал у торговцев (евреев, греков и армян), покупал случайные находки, клады и целые коллекции. В Одессе тогда ходило «множество разных древних монет, которые сбывались денежным менялам. Ящики с разменной ходячей монетой изобиловали и древнею» (Мурзакевич. 1887. С. 656). Известно, что в середине 1820-х гг. за несколько тысяч рублей Стемпковский приобрел небольшое собрание одесского цензора А. Ф. Спады.

Везде и всюду Стемпковский сопровождал своего покровителя Ришелье, не упуская возможности отличиться на военном поприще. В июне-августе 1809 г. офицер принимал участие во взятии крепости Анапы, причем за «отличное усердие к службе и труды» был награжден орденом св. князя Владимира 4 степени (1809). За отличие в сражениях 11–22 декабря 1810 г. с черкесами за рекой Кубанью, близ крепости Анапы, на вершинах Чоголеза, при реке Чемезе и при занятии батарей и крепости Суджук-Кале 8 февраля 1811 г. он был произведен в поручики. 29 октября – 13 ноября 1811 г. участвовал в военной экспедиции против шапсугов («сапсугов»), в сражениях в ущельях Афиписких и при речке Шепсе (РГВИА. Ф. 395. Оп. 14–1825. Д. 64. Л. 3 об. 4). 1 февраля 1812 г. И. А. Стемпковского перевели из Ладожского пехотного полка в элитное подразделение тогдашней армии – лейб-гвардии Измайловский полк, причем 18 февраля 1816 г. он был произведен в штабс-капитаны, а 22 октября того же года – в капитаны.

В 1814 г. Ришелье взял Стемпковского с собой в Вену, а затем в Париж. В июне 1815 г. на исходе заграничных походов русской армии в Германию и Францию Иван Алексеевич был причислен к штату офицеров Главной квартиры Императора. С июня 1816 г. по ноябрь 1818 г. офицер находился при штабе отдельного корпуса во Франции, состоявшего под командованием генерал-адъютанта М. С. Воронцова

(РГВИА. Ф. 395. Оп. 14–1825. Д. 64. Л. 4). Знакомство с графом положило начало доброжелательным отношениям между ними. 23 сентября 1818 г. Стемпковский был произведен в полковники с переводом в 43 егерский полк «с отданием старшинства противу сверстников с 31 генваря того же 1818 года», причем по документам полка он «показывался всегда в командировке при... герцоге Ришелье». Вигель вспоминал о своем знакомстве со Стемпковским в Париже в 1818 г.: «В чине полковника числился он тогда по армии и из особой любви и уважения государя к состоящему также по армии генералу Ришелье оставлен был при нем» (Вигель. 1893. С. 210).

Благодаря своему покровителю, Стемпковский получил возможность вести научные занятия в Парижской Академии надписей и изящной словесности, где сблизился с ее действительным членом, известным антиковедом Дезире Рауль-Рошеттом,⁴ посвятившим ряд книг античной истории Северного Причерноморья. Живя в Париже в 1815–1819 гг., Иван Алексеевич трудолюбиво пополнял свое образование. Все свободное время он посвящал изучению античных и средневековых авторов, из которых сделал 6 толстых томов выписок в формате in quarto (Ашик. 1863. С. 909). Вероятно, ко времени пребывания во Франции относятся первые научные опыты офицера – год спустя, в 1820 г. в Париже была опубликована книга маркиза де Кастельно⁵ о древнейшей и современной истории Новороссии, включающая ряд написанных И. А. Стемпковским глав.

Но вернемся к служебной карьере археолога. 13 января 1820 г. Стемпковский был переведен в 38 егерский полк, причем из-за болезни «находился большей частью в отпуску, состоя при полку на лицо не более трех с половиною месяцев» и «по слабости здоровья своего никакою особенною частию... не командовал в оном» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 14–1825. Д. 2. Л. 8). С 16 февраля 1820 г. он был «уволен на 4 месяца» в отпуск, но по болезни в полк явиться

⁴ Рауль-Рошетт Дезире-Рауль (Raoul-Rochette Désiré-Raoul, 1789–1854), французский археолог, историк античного искусства, историк-антиковед и новист; член Парижской академии надписей и изящной словесности (1816), почетный член Петербургской АН (1822). Получил образование в Бурже, в 1811 г. приехал в Париж и занял кафедру профессора истории в императорском лицее. В 1815 г. был помощником Гизо на его лекциях по новой истории. С 1816 г. сотрудник «Journal de savants». В 1818 г. занял должность хранителя кабинета антиков и медалей Королевской библиотеки. В 1826 г. назначен профессором археологии; с 1839 г. непременный секретарь Академии художеств. В 1819 г. путешествовал по Швейцарии, в 1826 г. — по Италии и Сицилии, в 1840-х гг. по Греции и Германии. Оставил труды по новой истории, в том числе два сочинения о швейцарской революции 1797 и 1803 гг. Автор ряда книг по древней истории, которые по оценке современников были «облечены вообще в изящную форму и иногда остроумны по воззрению автора, но в то же время поверхностны и часто неосновательны». Среди них «Histoire critique de l'établissement des colonies grecques» (Paris, 1815. 4 части), «Monuments inédits d'antiquités figurées grecques, étrusques et romaines» (Paris, 1828–1830. 2 тома с гравюрами in folio), «Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien» (Paris, 1822), «Cours d'archéologie» (Paris, 1828–1835) и др.

⁵ Кастельно де Габриэль (Castelnau de, G., ум. в 1827 г. в Париже), маркиз, французский роялист, бежал из Франции во время Великой Французской революции. В 1803 г. вместе с герцогом А. де Ришелье прибыл в Одессу и состоял при нем чиновником по особым поручениям (1803–1814). Автор сочинения «Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie» (Paris, 1820. Т. 1–3, с посвящением Императору Александру I; 2-е изд. — Paris, 1827). В этом труде И. А. Стемпковскому принадлежат гл. XXIII в первом томе «Coup d'oeil sur quelques restes d'antiquités dans la Nouvelle Russie», гл. X во втором томе «Des Ménonistes colons et voisins des Nogais» и «Des Kozaks de la mer Noire». В 1-м томе на с. 206–212 Кастельно пишет, что сведения о древних монетах предоставлены ему Стемпковским. Сам Иван Алексеевич очень критично относился к поверхностной книге Кастельно. В письме к Кёппену от 7 октября 1825 г. из Одессы он заметил: «...Без справок [т. е. без опоры на источники. — И. Т.] трудно что дельное написать, если не хочешь выдать что-либо подобное древней истории Новороссийского края маркиза Кастельно» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 14).

вовремя не смог. По заключению дивизионного доктора Мещерского, Стемпковский страдал «после продолжительной лихорадки завалами внутренностей, а от сего ипохондрическими и гемморoidalными припадками» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 14–1825. Д. 2. Л. 2 об., 3, 5). 16 января 1821 г. офицер был «назначен состоять по армии», хотя фактически в течение четырех лет оставался без должности.

С 17 сентября 1821 г. по 25 ноября 1822 г. Иван Алексеевич находился в заграничном отпуске в надежде на избавление от мучавшей его долгие годы чахотки. Встреча Стемпковского с Ришелье в Париже оказалась последней. После смерти герцога Стемпковский написал о нем панегирическую статью для «Journal asiatique», позднее изданную в русском переводе в «Вестнике Европы» и в «Записках» Одесского общества истории и древностей (Стемпковский. 1877). Офицер представил Академии надписей ряд своих работ о новейших эпиграфических и нумизматических находках в Причерноморье

и тогда же был избран ее иностранным членом-корреспондентом (Тилло. 1897. С. 35). Иван Алексеевич привез во Францию и все свое значительное собрание монет, «чтобы показать оное ученым нумизматам» (Веселовский. 1915. С. 191). В Париже он интересовался возможностями публикации не только собственных научных работ, но и исследований о южнорусских древностях своего друга и коллеги, одесского антиквара И. П. Бларамберга⁶. По взаимной договоренности с жившими в России археологами (Стемпковский. 1824), Д. Рауль-Рошетт в 1822 г. впервые ввел в научный оборот ряд памятников Северного Причерноморья (Raoul-Rochette. 1822), в том числе материалы лапидарных архивов и нумизматических находок Ольвии, Херсонеса и Боспора, предоставленных автору Стемпковским и Бларамбергом.

После кончины герцога Ришелье Стемпковский покинул Париж. На обратном пути в Вене в сентябре-октябре 1822 г. он познакомился с будущим

⁶ Иван Павлович Море де Бларамберг (Jean de Blaramberg, 1772–1831), археолог, коллекционер древностей; член-корреспондент Берлинской АН (1830). Род Moret de Blaramberg происходит из французской Фландрии, по семейной легенде ведет свое начало, как побочная ветвь, от Генриха IV Бурбона (фамильный герб — три лилии, из которых две верхние отделены полосой от нижней). Получив домашнее воспитание, Бларамберг 24 мая 1786 г. начал военную службу в голландской армии прапорщиком в Гессен-Дармштадском полку, через два месяца произведен в офицеры с назначением в Генеральный штаб, в январе следующего года награжден за храбрость серебряным знаком отличия. Участвовал в походах и сражениях «против мятежников» (1787) в войне за штатгалтера принца Вильгельма V Оранского против патриотов и против французов в Нидерландской компании 1793 г. С 22 января 1792 г. поручик, с 18 мая 1794 г. капитан. На протяжении нескольких лет был в плену (с 1792 г.?), в 1795 г. освобожден после учреждения Батавской республики на территории Нидерландов. Впоследствии, 4 января 1821 г. «за отличие» награжден королем Нидерландов голландским военным орденом Вильгельма 3 класса. В 1795 г. «по случаю революции» перешел на службу в английскую армию, получал ежегодное содержание (allowance) от английского «правления». В 1797 г. прибыл в Петербург; вскоре переехал в Москву, где оставался вплоть до 1804 г., получая жалованье от английского правительства. Благодаря своему шурину барону Густаву Андреевичу Розенкампу (1764–1832), известному юристу, в то время главному секретарю и первому редактору Комиссии составления законов, женатому на родной сестре Бларамберга Марии Павловне (Марии-Франциске-Вильгельмине, 1780–1834), Иван Павлович вернулся в Петербург и перешел на русскую службу 6 августа 1804 г. помощником редактора при Комиссии составления законов. 6 ноября 1804 г. по высочайшему указу определен в помощники рефендария и 28 декабря того же года получил монаршее благоволение за свои труды по «систематическому изучению из иностранных законодательств статей по гражданскому праву». 20 июня 1805 г. произведен коллежским ассессором, 23 ноября 1806 г. из-за болезни по прошению уволен из Комиссии составления законов с чином надворного советника. 16 марта 1808 г. по представлению герцога Ришелье определен в Одесский коммерческий суд прокурором и переселился в Одессу, одновременно по высочайшему указу с 18 июня 1809 г. работал в Комиссии по делам нейтрального мореплавания. 31 января 1810 г. служил по Одесскому градоначальству, затем по собственному желанию переведен в ведомство государственного канцлера гр. Н. П. Румянцева и 9 июня 1810 г. определен таможенным инспектором Херсонской губернии. «По случаю преобразования таможенного управления и общего упразднения таможенных по губерниям инспекций причислен к герольдии с произведением полного жалования до определения по Высочайшему повелению к соответственной чину и способностям его должности по усмотрению господина министра финансов». 19 марта 1812 г. по представлению министра внутренних дел награжден орденом св. Владимира 4 степени. 8 апреля 1812 г. по высочайшему повелению назначен начальником Одесского таможенного округа с чином коллежского советника. 10 марта 1816 г. удостоен монашеского благоволения «по случаю содействия... прекращения в Одессе моровой язвы... в 1812 г.», награжден бронзовой медалью за 1812 г.; с 25 января 1818 г. статский советник. 5 февраля 1818 г. удостоен диплома на звание корреспондента Комиссии составления законов. 23 января 1818 г. получил денежную награду в 3 тыс. руб. по министерству финансов. Одновременно по указу царя являлся членом «Комиссии для рассмотрения корабельных документов при привозе к Одесскому порту запрещенных товаров, и в Комитете по устройству Одесского порто-франко». За хорошую службу по таможенному ведомству 9 февраля 1824 г. удостоен ордена Анны 2 степени. 15 июня 1824 г. «высочайшим указом Сенату за слабостью здоровья от службы уволен». 20 июня 1825 г. назначен чиновником особых поручений при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе гр. М. С. Воронцове. По данным послужного списка 1825 г., Бларамберг не имел во владении ни крестьян, ни земель. К тому времени он был вдовцом (его жена, урожд. де Куртуне, скончалась в 1818 г.), имел сыновей — Ипполита 23 лет, находившегося на военной службе, Владимира 17 лет, Арсения 9 лет, «кои воспитываются при нем», Михаила 14 лет, «находившегося в статской службе», и дочерей — Елену 19 лет, Зинаиду 18 лет, Елизавету 11 лет. Л. А. Черейский упоминает также сына Ардена и дочь Наталью, бывшую замужем за испанским консулом в Одессе де Гастелло. Уже в должности директора Одесского (с 1825 г.) и Керченского (с 1826 г.) музеев древностей, Бларамберг был удостоен ордена св. Анны 2 степени, украшенного алмазами, и чином действительного статского советника. См.: ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 13–16; Черейский. 1989. С. 40; Цявловский. 1991. С. 353, 359; Смирнова-Россет. 1989. С. 75–76; Тункина. 1995. С. 66–67.

академиком П. И. Кёппеном (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 138. Л. 131 об.–134), которому помог в рецензировании монографии Рауль-Рошетта о древностях Боспора Киммерийского (Көрреп. 1823 а). В «Ольвийском сборнике» Кёппена сохранился список каталога монет из коллекции И. А. Стемпковского, переписанный Петром Ивановичем в Вене (ИР ЦНБ. V, 715. Л. 203–206 об.). С тех пор между ними завязалась содержательная переписка по историко-археологическим, нумизматическим и эпиграфическим вопросам, которая заслуживает самостоятельной публикации. «По роду занятий, – писал Кёппен Стемпковскому, – по Вашему местопребыванию и что всего более, по уважаемым мною душевным Вашим качествам, я не могу не почитать Вас близким моему сердцу. Это походит на любовное объяснение, скажете Вы; будь так... Но если обстоятельства не позволили мне сделаться Вашим другом, то позвольте быть, по крайней мере, добрым, чистосердечным приятелем» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 52. Л. 17 об.).

Зиму 1823–1824 гг., как Иван Алексеевич сообщал Кёппену, он провел или скорее «пролежал... по нездоровью» в Саратове. Прослужив свыше 20 лет в армии, в том числе 18 с лишним лет офицером, 15 декабря 1824 г. из-за прогрессирующей болезни легких Стемпковский подал прошение об отставке без пенсии, «на собственное пропитание», с правом ношения мундира. Уже 6 марта 1825 г. Иван Алексеевич был уволен от службы, но без права ношения мундира, причиной чему могло послужить следующее обстоятельство: «болезненное и почти чахоточное состояние здоровья» по возвращении из Франции не позволило ему вовремя явиться в полк. Это, по-видимому, и сказалось на аттестации со стороны начальства. Для положительного решения дела понадобились неоднократные ходатайства графа М. С. Воронцова, убеждавшего начальника Главного штаба барона И. И. Дибича, что И. А. Стемпковского следует по положению наградить за более чем шестилетнюю выслугу в чине полковника погонями генерал-майора, мундиром и за двадцатилетнюю службу в армии «инвалидным содержанием», от которого отставной офицер категорически отказался. «Не знаю причины, – писал М. С. Воронцов, – по которой случилось сие, но знаю отличную нравственность г. Стемпковского, примерное поведение его и усердие, с которым он исполнял во время службы разные поручения начальства [...]. Честь сию полковник Стемпковский действительно заслуживает, в чем свидетельствуют привязанность и уважение к нему герцога Ришелье, которые до того простирались, что покойный сделал его наследником всего имения своего в России» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 14–1825. Д. 2. Л. 11–11 об., 15, 18–18 об., 23–23 об.). Действительно, Ришелье завещал Стемпковскому 150 тысяч рублей (Смирнова-Россет. 1989. С. 83), дачу («хутор») в Одессе, которую он впоследствии подарил городу, и имение Гурзуф, где останавливался Пушкин вместе с Раевскими в августе 1820 г., в 1823 г. проданное графу М. С. Воронцову (Ашик. 1863. С. 909; Вигель. 1893. С. 210). Новый паспорт

об отставке с правом ношения общевойсковой мундира был подписан 15 декабря 1826 г. Согласно ошибочному утверждению Вигеля, после отставки Стемпковский перешел на штатскую службу, но долгое время «не имел места» (Вигель. 1893. С. 211). В действительности на гражданскую службу Стемпковский был приглашен лишь в 1828 г. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4–1831. Д. 105. Л. 111–112).

Иван Алексеевич отличался неплохими организаторскими способностями. С 1812 по январь 1814 гг. он активно руководил мероприятиями по прекращению чумы в Херсонской губернии и Бессарабской области, и за «отличные труды» и «особенное усердие» был удостоен монаршего благоволения (1816). В мае 1818 г. он получил письмо от Саратовского губернского предводителя дворянства князя М. Чегодаева с извещением о награждении бронзовой дворянской медалью за войну 1812 г. для ношения на владимирской ленте в петлице (РГВИА. Ф. 395. Оп. 14–1825. Д. 3. Л. 5–6). После смерти Ришелье, испытывавший к предшественнику искреннее уважение генерал И. Н. Инзов, год исполнявший обязанности Новороссийского генерал-губернатора, открыл по всему краю подписку для сбора пожертвований на памятник в его честь. Руководство комиссией по сооружению монумента в 1822–1827 гг. возложили на Стемпковского (Стемпковский. 1826 а; 1827 ж). Известный бронзовый памятник герцогу А. Э. де Ришелье скульптора И. П. Мартоса по сей день остается истинным украшением художественного ансамбля Приморского бульвара в Одессе. В 1822–1825 гг. по поручению генерал-лейтенанта графа И. О. де Витта, с 1823 г. председателя правления первого высшего учебного заведения в Новороссийском крае – Ришельевского лицея, Стемпковский был назначен членом, а с 24 января 1824 г. – председателем Комиссии счетных и других дел лицея (ГАОО. Ф. 44. Оп. 4. Д. 794). Административные поручения постоянно отвлекали Стемпковского от близких его сердцу научных занятий: «Думал пожертвовать на время ими, – писал он Кёппену 7 августа 1825 г., – чтобы оказать какую-либо пользу заведению, в коем не могу не принимать сердечного участия; к несчастью, труды остаются бесполезными, заботы вознаграждаются неприятностями; и сколько ни больно мне видеть, что Лицей день ото дня становится ближе к падению, но, не видя средств помочь ему в нынешнем положении дел, принужденным нахожусь удалиться» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 8–8 об.).

Одной из загадок одесского периода жизни И. А. Стемпковского является его знакомство с находившимся в южной ссылке А. С. Пушкиным (Черейский. 1989. С. 418–419). Служивший в провинциальном Кишиневе, при председателе комитета о колонистах южной России и наместнике Бессарабской области генерале И. Н. Инзове, поэт чувствовал себя одиноко и с 1821 г. неоднократно отлучался в столицу Новороссийского края Одессу. Указом Александра I от 7 мая 1823 г. Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором был назначен граф

М. С. Воронцов, в штат которого Пушкин стремился перевестись на постоянную службу. Его желание осуществилось уже в июле того же года, так как Бессарабская наместническая канцелярия из Кишинева была переведена в Одессу (Бартенев. 1992. С. 231).

О встречах И. А. Стемпковского с А. С. Пушкиным в Одессе достоверных сведений не сохранилось, хотя мы имеем все основания утверждать, что они были знакомы (Тункина. 1999 а. С. 22–23; Тункина. 1999 в. С. 8–9). В 1823 г. ссыльный поэт часто бывал у И. П. Бларамберга (Цявловский. 1991. С. 353, 359). Гостеприимный дом Ивана Павловича в Одессе на Канатной улице (ул. Свердлова, д. 6, не сохранился – Константинов. 1990. С. 30–39) являлся своего рода археологическим музеем и центром общественной и культурной жизни города, где по воскресеньям собиралось «французское общество». Помимо вкусного обеда, хозяин, интереснейший собеседник и остролов, угощал гостей дождем каламбуров, за что его прозвали Благанлером (от франц. blague en l'air, т. е. выпускающим свои остроты в воздух). «Гости старались подражать хозяину; непрестанно сыпался огонь каламбуров на всех языках [...]. Кроме каламбуров и радушного гостеприимства на обеда к Бларамбергу привлекали две дочери его, которые считались первыми красавицами в Одессе. Однажды на бале у гр. Воронцова Туманский сказал Пушкину: “Ну, придумай какой-нибудь экспромт” – “Изволь”, отвечал Пушкин, и импровизировал следующие стихи:

Так, вы над всеми взяли верх⁷;
Пред вами преклоню колена,
О, величая Елену,
О, Зинаида Бларамберг!⁸» (Морозов. 1877. С. 325).

Завсегдатаем дома Бларамберга был и Стемпковский, тем более, что в те годы он строил на участке, выделенном ему в 1823 г., на противоположной стороне той же улицы (ныне ул. Свердлова, 15) собственный двухэтажный дом «со службами», который был закончен в августе 1826 г. (Чарнецкий. 1990. С. 119–120). Известно также, что, согласно изысканиям историка Одессы А. М. Дерибаса, на загородной даче Ришелье (так называемый Дюковский

сад на Водяной балке, позднее известной как предместье Молдаванка) зачастую проходили пикники, в которых мог принимать участие и Пушкин не позднее июля 1824 г., так как 1 августа того же года поэт навсегда покинул Одессу, отправившись в ссылку в Михайловское. Напомню, что Ришельевская дача перешла к Стемпковскому по завещанию, т. е. после смерти герцога в 1822 г. Как известно, Ришелье уехал во Францию в 1814 г., и ко времени пребывания Пушкина в Одессе сад и дача долгое время находились без присмотра. Приняв пост Керчь-Еникальского градоначальника в марте 1828 г., Стемпковский принес дачу в дар Одесскому городскому управлению с обязательством сохранить в неприкосновенности домик Ришелье и его садик для устройства в нем гостиницы (Веселовский. 1915. С. 194), но «дума не сумела уделить достаточно заботливости наследию Стемпковского и любимое детище Ришелье пришло... в состояние полного запустения» (НА ОАМ. № 59335 Л. 44–48). Возможно, Стемпковский делился с поэтом семейными преданиями времен восстания Е. Пугачева, так как его дед по материнской линии полковник Цыплетев упоминается в «Истории Пугачева» (Пушкин. 1964. С. 263). На мой взгляд, вряд ли случайно, что уже в октябре 1824 г. поэт просил брата Льва прислать ему книгу о жизни Пугачева. Рассказывая об истории замысла «Капитанской дочки», Пушкин позднее признавался, что толчком к ее созданию послужило предание, когда-то слышанное им.

Три года спустя И. А. Стемпковский в письме к историку М. П. Погодину из Одессы от 20 мая 1827 г. особо подчеркнул: «Покорнейше прошу напомнить обо мне почтеннейшему сотруднику вашему Александру Сергеевичу Пушкину и принести ему равномерно мою истинную благодарность» (ОР РГБ. Пог. II. п. 46. № 53. Л. 1–1 об.). Литературоведы обычно интерпретируют этот пассаж как благодарность за приглашение участвовать в «Московском вестнике» (1827–1830), издателем которого являлся М. П. Погодин (Пушкин. 1934. С. 692). Так ли это, документы умалчивают. Надеюсь, что новые архивные находки помогут окончательно разрешить вопрос о личном знакомстве Стемпковского с Пушкиным.

⁷ По воспоминаниям Ксении Михайловны Соколовой (урожд. Кирьяковой), дочери Херсонского предводителя дворянства М. М. Кирькова, жившей по соседству с Бларамбергом и Стемпковским на углу Канатной и Дворянской улиц, в их доме каждый понедельник проводились танцевальные вечера, посещаемые Пушкиным. Этот экспромт якобы был сочинен Пушкиным в доме Кирьяковых, когда однажды вечером, подойдя к обеим сестрам, он быстро и решительным тоном продекламировал стихи, начинавшиеся словами «Вы перед всеми взяли верх...» (НА ОАМ. № 59372. Л. 36).

⁸ Этот экспромт, приписываемый Пушкину, отсутствует в его академическом Полном собрании сочинений в 10-ти томах (М., 1962–1965). Речь идет о 17-летней Елене и 16-летней Зинаиде – «пикантной брюнетке, внушившей оду поэту В. И. Туманскому» (НА ОАМ. № 59335. Л. 37–38; № 59372. Л. 36; Зеленецкий. 1998. С. 370). Одесский пушкинист Н. О. Лернер допускал, что определенное знакомство с испанской и португальской литературой поэт мог получить в беседах со старшей дочерью Бларамберга Натальей, женой испанского консула в Одессе, обладавшей хорошим голосом и свободно говорившей по-испански (НА ОАМ. № 59372. Л. 35). Некоторые исследователи ошибочно атрибутируют четыре женских портрета на листе с черновиками романа «Евгений Онегин» и автопортретом Пушкина за ноябрь–декабрь 1823 г. как рисунки с изображениями младшей дочери Бларамберга – Елизаветы, которой тогда было всего лишь 9 лет (Эфрос. 1933. С. 183 (воспр.), 276–278; Жуйкова. 1996. С. 47 (воспр.), 87 № 142).

Стемпковский общался со многими известными людьми своего времени, литераторами и учеными. В письме к издателю «Отечественных записок» П. П. Свиньину от 26 октября 1828 г. Иван Алексеевич извинился, что не сумел быстро вернуть журналисту его путевой дневник по Новороссийскому краю: «Вообразите, что рукопись ваша давным давно читана, перечитана, и даже, по позволению вашему, снабжена некоторыми заметками» (ОР РНБ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 115. Л. 9). Таким образом, ряд известных корреспонденций П. П. Свиньина о городах юга России, очевидно, содержит правку и вставки историко-археологического характера, принадлежащие перу Стемпковского (Свиньин. 1828; 1830), чем и объясняются текстуальные совпадения в их опубликованных работах, подмеченные Б. В. Луниным (Лунин. 1929. С. 31). Иван Алексеевич был знаком и со знаменитым переводчиком «Илиады» Гомера Н. И. Гнедичем, который с августа 1827 по август 1828 гг. по болезни жил в Южной России. В упомянутом письме Свиньину от 26 октября 1828 г. из Керчи он просит: «Сообщите мне, пожалуйста, сведение о почтеннейшем Николае Ивановиче Гнедиче. Благополучно ли он доехал до столицы, и здоровье его каково?» (ОР РНБ. Ф. 679. Д. 115. Л. 10 об.). До нас дошло письмо Стемпковского от 25 июля 1832 г. из Симферополя одесскому знакомому, поэту пушкинского круга В. Г. Теплякову с благодарностью за присланное издание его стихотворений (РО ИРЛИ. 9256. ЛП б. 79). И сам Иван Алексеевич не был чужд литературным опытам – в 1825 г. он написал достаточно наивный сентиментальный рассказ «Радаис и Индар» об идиллической дружбе и смерти двух скифских юношей, влюбившихся в одну греческую девушку. Рассказ включает описание пятидневного путешествия из Ольвии вверх по Борисфену в стан «скифского царя Индафарна», причем подробности быта древних греков и скифов приведены автором по сочинениям Геродота, Лукиана и Овидия (Стемпковский. 1831).

К началу 1820-х годов в Одессе сложился кружок любителей древней истории и археологии Причерноморья, одним из лидеров которого был И. А. Стемпковский. Через три месяца после вступления Воронцова в должность генерал-губернатора Иван Алексеевич подал ему записку «Мысли об изыскании древностей в Новороссийском крае» (Стемпковский. 1827 б), о которой речь пойдет ниже. Результатом его инициативы стало открытие на счет казны двух археологических музеев – в Одессе

(1825) и в Керчи (1826), первым директором которых был назначен И. П. Бларамберг. Уже после смерти Стемпковского в 1839 г. было открыто Одесское общество истории и древностей, в своей деятельности следовавшее заветам Ивана Алексеевича. В круг одесских антиквариев в 1820-х–начале 1830-х гг., помимо Стемпковского и Бларамберга, входили А. Ф. Панагидор-Никовул, А. С. Стурдза и его сестра графиня Р. С. Эдлинг, В. И. Туманский, В. Г. Тепляков, Г. И. Соколов, Э. В. Тетбу де Мариньи, А. Ф. Спада, М. М. Кирьяков, А. И. Левшин, З. С. Херхеулидзе, И. Липранди, Е. В. Зонтаг, Н. С. Алексеев, А. Коллен, К. Монтанон, Ш. Сикар и др., т. е. чиновники администрации Новороссийского генерал-губернатора, коммерсанты, «вольные художники» и поэты, преподаватели и зрители Ришельевского лицея, консулы иностранных государств, моряки Черноморского флота (Губарь. 1991. С. 113–115).

Стемпковский, несомненно, был одним из самых ярких и способных русских археологов первой трети XIX в. Школа кабинетной работы, пройденная им во Франции, благоприятно сказалась на уровне его научных публикаций. Несомненно, уступая профессиональным антиковедам в знании классических языков⁹, он, вместе с тем, обладал и неоспоримым преимуществом – Иван Алексеевич хорошо знал те места Северного Причерноморья, откуда поступали надписи, монеты и другие находки. Природная наблюдательность и хорошее знание древней письменной традиции позволили Стемпковскому верно локализовать ряд античных пунктов: ему принадлежит одна из первых в русской науке работ по древней географии Северо-Западного Причерноморья (Стемпковский. 1826 б), основанная на натурном исследовании местности, которая вызывает оживленные споры до сих пор (Агбунов. 1985; Агбунов. 1987; Качарава, Квирквелия. 1991). В журнале «Le Philologie» (1824. Т. 16), издаваемом Гайлем (Gail), Стемпковский опубликовал историко-географический и археологический комментарий к переводу ряда мест из географии Страбона, касающихся Херсонеса и Боспора Киммерийского. Он не был лишен способностей к полевому обследованию памятников: вместе с Дюбрюксом в 1820 г. Стемпковский снял план городища Мирмекия, впоследствии помогал «отцу боспорской археологии» в съемке плана Пантикапея, правильно указав направление ряда древних улиц. После возвращения из Европы Иван Алексеевич принял участие в исследованиях Бларамберга в

⁹ По утверждению Н. Н. Мурзакевича, который не был лично знаком со Стемпковским, Иван Алексеевич не знал классических языков. Как сообщает Мурзакевич, в Одессе Стемпковского и Бларамберга консультировал грек А. Ф. Панагидор-Никовул (Никовулос), который «изыскал греческих авторов с подлинников, а не с французских и немецких переводов», которыми пользовались большинство антиквариев. Не было надписи, перевода или статьи, которые не были бы предварительно обсуждены ими с Никовулом. И. А. Стемпковский был постоянным гостем ученого грека, но из-за «горячности» в спорах о локализации античных пунктов Северо-Западного Причерноморья с 1826 г. они прекратили научное сотрудничество (Соколов. 1853. С. 519). Однако, судя по письмам к Кёппену и многочисленным публикациям надписей и монет, Стемпковский все же имел определенные познания в греческом и латинском языках, которые он скорее всего приобрел во время пятилетнего пребывания в Париже.

Ольвии, призывал начать систематические раскопки «Акрополя или Цитадели Ольвийской» и курганов урочища «Сто могил» (Стемпковский. 1827 б. С. 54–55). На материалах лапидарного архива пописал он опубликовал исследование «О названиях месяцев у древних ольвиополитов» (Стемпковский. 1827 в). Известно, что Стемпковскому удалось впервые идентифицировать монеты с именем скифского царя Скилура, медь которого чеканилась в Ольвии между 140/135–115/110 гг. до н. э. (Карышковский. 1988. С. 102). Как писал «Вестник Европы»: «никто даже и не помышлял о существовании какой-либо монеты царей скифских! Открытие, достойное особенного внимания по своей новизне и важности для истории!» (О греческих древностях. 1823. С. 204). Случайные находки античной расписной керамики в 1823 и 1826 гг. в Одессе (Диамант. 1976) привели его и И. П. Бларамберга к выводу о локализации на месте Приморского бульвара Гавани истриан (Аг., РРЕ, 32 (20Н); Anon. РРЕ, 87 (61Н)). С таким заключением, остающимся, однако, дискуссионным (Буйских. 1999), соглашались и некоторые современные исследователи (Добролюбовский, Красножон. 1998).

В октябре 1823 г. и в апреле 1824 г. Иван Алексеевич дважды объехал Нижнее Подонье и Приазовье (Стемпковский. 1824 а; Стемпковский. 1824 б; Стемпковский. 1854). В документах Одесского общества сохранились выполненные им рисунки трех каменных баб, находившихся: 1) близ Тягинской станицы; 2) в степи между Таганрогом и Мариуполем (срисованы 18 июня 1820 г. и 21 июня 1823 г.); 3) на т. наз. Четырех курганах в 5 верстах от Токмакской могилы (срисована 19 июня 1820 г.) (ИР ЦНБ. V, 1040. Л. 15, 28). Во время поездок в Саратов и обратно в Одессу Стемпковский осмотрел низовья Дона с целью поиска следов древнего Танаиса, который был им верно локализован на городище близ слободы Недвиговки в 10 верстах от моря на берегу Донца. «Тут, на возвышенном и крутом берегу реки, – писал он И. П. Бларамбергу, – нашел я следы акрополи или цитадели, весьма сходной с ольвийской, но немного поменьше; укрепление сие окружено глубоким рвом и в некоторых местах, на валу, кучами земли и камней, показывающими основания башен. Повсюду разбросаны обломки древних глиняных остроконечных сосудов с ручками, называвшихся амфорами, и обыкновенно находимых везде, где греки имели свои поселения; а за рвом вся окрестность, на далекое расстояние, покрыта ямами, кучами земли и золы (следы бывшего жилья), равно множеством больших и малых курганов, подобно как и окрестности Ольвии и Пантикапеи... По всем сим чертам невозможно не признать развалин сих остатками древнего греческого города, и сей город не может быть иной, как Танаис», который он справедливо охарактеризовал как «один из знатнейших складочных мест для торговли греков с обитавшими вокруг варварскими народами» (Стемпковский. 1854. С. 387, 388–389). В специальной записке «О развалинах

Танаиса», адресованной М. С. Воронцову, антикварий уточнил, что городище находится на западной окраине села Недвиговки (ИР ЦНБ. V, 1043. Л. 2 об.).

В низовьях Дона Стемпковский отметил выдающиеся курганные группы (Пять Братьев у Щучей или Елизаветовской станицы; Два Брата на левобережье Дона в 20 верстах у Азова) и городища (у Гниловской станицы и при устье речки Сухой Чалтур). На последних часто находили древнегреческие монеты и фрагменты керамической тары. «Монеты... и глиняные сосуды греческой работы, – прозорливо писал И. А. Стемпковский, – могли быть в употреблении и у скифов... производивших торги с греками; следовательно, не должно полагать, чтобы везде там были греческие селенья, где отыскиваются подобные монеты и обломки сосудов» (Стемпковский. 1854. С. 395). Открытое Стемпковским Сухо-Чалтырское городище I в. до н. э. – III в. н. э. было исследовано только через 150 лет (Шелов. 1953).

И. А. Стемпковский первым опубликовал материалы о раскопках военных моряков 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе (Стемпковский. 1825. С. 226–338; Stempkowski. 1825. P. 506). Он кратко охарактеризовал открытые антики, обратив особое внимание на уникальность святилища по числу найденных нумизматических памятников – по его данным, здесь было обнаружено около 800 монет различных греческих центров Причерноморья и Средиземноморья, причем часть их до того времени была вообще науке неизвестна, прежде всего, монеты Тиры времен автономии города, как и чеканка ряда боспорских династов. Стемпковский привел перечень монет по центрам чеканки и подчеркнул важность нумизматических находок для изучения торговых связей Северного Причерноморья в древности. «Весьма жаль, – писал он, – что все сии драгоценные остатки рассеяны ныне по разным рукам, и что потому не могло быть сделано им полного и подробного описания» (Стемпковский. 1825. С. 338). О своем намерении вскоре серьезно заняться тендровскими антиками И. А. Стемпковский писал в Петербург П. И. Кёппену 7 августа 1825 г.: «Если время и здоровье позволит, напишу что-нибудь пространнее о Тендрской находке: она стоит того, чтобы ученые обратили на нее внимание» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 8). Было ли написано это исследование, неизвестно.

В феврале 1828 г. Новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, оценивший деловые и личные качества Ивана Алексеевича, предложил ему должность градоначальника в Керчи. Современник назвал выбор Воронцова «действительно счастливым» (Вигель. 1893. С. 211). 12 марта «отставному полковнику Стемпковскому всемилошвейше повелено исправлять должность Керчь-Еникальско-го градоначальника», – сообщил «Русский инвалид» в № 76 от 21 марта 1828 г. Высочайшим именным указом он был утвержден в должности 13 ноября 1828 г. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4–1831. Д. 105. Л. 111 об.–112).

Иван Алексеевич занял хлопотную должность во время русско-турецкой войны: попечению нового градоначальника сразу были доверены «до 4 тысяч плененных турок», находившихся в карантине, и организация погрузки «пропасти судов для отправления продовольствия» в зону боевых действий в Варну (ОР РНБ. Ф. 679. Д. 115. Л. 9 об.). Стемповский развил бурную деятельность по благоустройству Керчи: по его ходатайству было основано уездное училище, открыта подписка на сооружение православного храма св. Троицы, освещена католическая церковь. Градоначальник исходатайствовал из казны 50 тыс. руб. ежегодных субсидий на строительство общественных зданий, заложил городской сад, посадив в нем своими руками первые деревья (Ашик. 1863. С. 912–913).

И. А. Стемповский после переезда в Керчь фактически возглавил деятельность Керченского археологического кружка, куда входили П. А. Дюбрюкс, Р. А. Скасси, А. Дигби, А. Б. Ашик и Д. В. Карейша, археологическим раскопкам и разведкам которых он всячески содействовал. В кругу местных энтузиастов античности во главе с градоначальником родилась идея «связи времен» — преемственности античного Пантикалея–средневекового Корчева–русской Керчи, которая была положена в основу концепции развития города. Ей были подчинены все архитектурно-планировочные решения городского архитектора Александра Дигби (Воронцов, Михайлова. 1983. С. 74–79), который также выполнял планы и чертежи раскопанных Бларамбергом и Дюбрюксом склепов и катакомб. Показательно, что в 1831 г. Стемповский написал записку с предложениями о переименовании городов Керчи и Еникале на древнегреческие (ОР РНБ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 238. Л. 1). Вспоминая эпоху Екатерины II, Стемповский сетовал, что лишь один уголок Тавриды «остался забытым среди обломков древнего своего величия... Одно название Митридата, которое каким-то неведомым случаем предание сохранило..., отзывалось и отзывалось доныне среди варварских звуков Керчи, Еникале, Карабуруна, заменивших прославленные в истории веков названия Пантикапеи, Ираклии, Нимфеи и других... Город Керчь... должен... воскреснуть и именем, которое, напоминая древнюю славу здешних мест, более бы говорило уму и воображению, нежели носимое им теперь варварское название... Посему желательно, чтобы Керчь-Еникальское градоначальство, лежащее по обоим берегам Воспора, получило название Воспорского градоначальства, городу Керчи было возвращено имя Пантикапеи, на развалинах коей он построен; а город и крепость Еникале, в замену сего турецкого названия, были наименованы Ираклией, по лежавшему неподалеку отсюда в древности храму Иракла, или Геркулеса. Учреждения, принадлежащие вообще городам Керчи и Еникале, могут при

сем случае быть названы Воспорскими, подобно как во времена блаженные памяти государыни императрицы Екатерины II, здешний магистрат носил уже название Воспорского магистрата,¹⁰ а учреждения, собственно каждому городу принадлежащие, могут называться пантикапейскими или ираклийскими» (РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 15–16 об.).

Переезд Стемповского в Керчь благоприятно сказался на деятельности местного музея древностей, так как И. П. Бларамберг, лишь наездами бывавший в Крыму, оставался его директором номинально. Вся организационная переписка о деятельности музея фактически шла между М. С. Воронцовым и И. А. Стемповским. Если до его приезда в музей хранилось лишь три надписи, то в 1831 г. их было уже двенадцать, а коллекция монет увеличилась до 200 экземпляров (Дюбрюкс. 1858. С. 27–28). В 1829 г. начали ломать стены упраздненной Керченской крепости, камень которой продавали частным лицам. В ее стенах во многих местах виднелись куски древних мраморов. Рабочие, несмотря на предупреждение полиции, совершенно не обращали внимания на древности, «в глазах их никакой цены не имеющие», и, как писал И. А. Стемповский М. С. Воронцову, «недавно случилось, что обломок с надписью едва не был обращен в новую постройку». Для предотвращения утраты памятников, градоначальник нанял специального надсмотрщика, чтобы тот «безотлучно находился при разломке стен старых строений, осматривал все добываемые из оных камни, и наблюдал о сбережении и обращении в музей тех, кои окажутся с изображениями, надписями и проч.». В результате в музей поступило несколько мраморных и каменных «украшений древней архитектуры», в том числе резной карниз, фриз, часть фронтона, «служившего вероятно украшением дверей какого-либо значительного здания» (ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 306–307, 319), а также обломки камней с надписями КБН 17, 37, 41, 65 (Стемповский. 1829 б; Stempkowski. 1829 б; Stempkowski. 1829 д). Списки надписей по просьбе П. И. Кёппена Стемповский намеревался отправить в Берлин основателю греческой эпиграфики А. Бёку. «Я все надеялся улучшить время, — сообщал Иван Алексеевич Кёппену 19 января 1830 г., — чтобы составить записку о здешних надписях, и до сих пор не мог еще сего сделать... Мне хотелось бы послать г-ну Бёку что-нибудь основательное, тем более что проведши, в прошлом ноябре, несколько дней в Тамани, я имел случай с особенным вниманием рассмотреть хранящиеся при тамошней церкви надписи, и открыть в оных новые обстоятельства, упущенные г-м Кёлером в издании оных (Mon[ument] de Comosar[ye]). Я прочитал целые слова, коих г-н К[ёлер] и не заметил; многие другие мною поправлены, и я нашел, что в надписи Динамисы [КБН 1046. — И. Т.] Висконти, хотя и за глаза,

но лучше видел, нежели наш почтенный академик. Теперь надеюсь иметь несколько досуга, и если только боли не положат препятствия, соберу все что можно будет, напишу письмо к г-ну Бёку, и все к вам доставлю» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 25 об.—26).

В истории классической археологии имя Стемповского, наряду с П. Дюбрюксом, традиционно связывается с раскопками всемирно известного кургана Куль-Оба (Холм пепла). Для специалистов неоходимость планомерных, систематических раскопок близ Керчи была очевидна давно, но решить этот вопрос долгие годы не удавалось из-за отсутствия финансирования. И тут помог случай. В 1829 г. в Севастополе началась эпидемия, приведшая к чумному бунту матросов и членов их семей, жестоко подавленному М. С. Воронцовым. Николай I приказал «всех оставших нижних чинов... отправить семьями в Керчь» и отвести им «места для постройки домов» (Огородников. 1907. С. 15). 22 сентября 1830 г. при ломке камня солдатами Воронежского пехотного полка для строительства жилья семьям высланных матросов, в 6 верстах от города был открыт каменный склеп с уникальным комплексом скифского времени — богатым погребением мужчины, женщины и раба. Тщательное исследование памятника провел П. Дюбрюкс под руководством И. А. Стемповского (Жиль. 1854. С. XIV–XXXIV; Dubois de Montpéroux. 1843. Р. 194–227; Спасский. 1846. С. 114–120). Свидетелями открытия склепа стали доктор Таврической врачебной управы П. И. Ланге, Е. Шевелев, А. Б. Ашик и Д. В. Карейша, оставившие описания обстоятельств находки (Карейша. 1830; 1831; Ашик. 1848. Ч. 2. С. 29–39; Шевелев. 1850. С. 736–738). «П. И. [Ланге. — И. Т.] расскажет вам о важном нашем открытии, — сообщал Стемповский Кёппену 26 сентября 1830 г., — но, увы, какого времени памятник, кому принадлежат найденные сокровища — ничего неизвестно! Хотя бы мы передали потомству имя ограбленного нами царя! Нет и того утешения. Посылаю Вам голову Вакханки от сей находки» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 27 об.). Блеск золота Куль-Обы обратил внимание правительства на памятники Керченского полуострова. Проведение полевых работ в Новороссии Николай I поручил 22-летнему чиновнику канцелярии Керчь-Еникальского градоначальства Д. В. Карейше, отправленному в Петербург для представления куль-обских древностей. Контроль за раскопками, проводимыми на средства Кабинета императора, возложили на И. А. Стемповского (АГЭ. Ф. 1. Оп. I–1831. Д. 19. Л. 38–38 об.). В инструкции Карейше от 27 мая 1831 г. градоначальник предписывал соблюдать его указания при проведении раскопок, экономить средства, безотлучно находиться на месте работ, составлять описи находок и вместе с вещами присылать в его канцелярию, при содействии полиции пресекать раскопки курганов частными лицами, а найденные ими древности конфисковывать (РА ИИМК. Ф. 6. Д. 10. Л. 47–48 об.). Как одну из возможных мер финансирования дальнейших раскопок он даже предлагал начать

продажу любителям древностей части многочисленных дублетных золотых бляшек Куль-Обы (ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 447 об.), что, к счастью, не было поддержано начальством.

В 1830 г. И. А. Стемповский принял личное участие в борьбе с эпидемией холеры, проверяя надежность санитарных кордонов. Это окончательно подорвало его здоровье. Предчувствуя кончину, Стемповский составил завещание, в котором есть такие слова: «Если умру в Керчи, то желал бы, чтобы похоронили меня на вершине горы Митридат и там устроили часовню; книги мои жертвую Одесской публичной библиотеке», все остальное имущество он завещал родным, которые, по словам Ашика, «мало этого заслуживали» (Ашик. 1863. С. 913). Градоначальник был произведен в статские (6 декабря 1829 г.), а незадолго до смерти — в действительные статские советники, чин 4-го класса, что соответствовало генерал-майору в армии; 21 апреля 1830 г. он также был награжден орденом св. Владимира 3 степени (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4–1831. Д. 105. Л. 111 об.—112). В научном мире Стемповский был отмечен избранием членом-корреспондентом Академии надписей и Азиатского общества в Париже, действительным членом Обществ истории и древностей при Московском университете и Сельского хозяйства южной России в Одессе (с 1828 г.).

Болезнь легких прогрессировала: не помог и шестимесячный отпуск, использованный Стемповским с 10 июня 1831 г. для поездки на кавказские минеральные воды и на южный берег Крыма (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4–1831. Д. 105. Л. 111). Скончался этот удивительный человек на руках Поля Дюбрюкса 6 декабря 1832 г. от мучавшего его туберкулеза, в расцвете творческих сил, не оставив семьи (Некрология. 1833; 1834). Во время похорон Д. В. Карейша, которому Стемповский явно благоволил и покровительствовал, произнес «надгробное слово», опубликованное «Одесским вестником» (1833. № 7). Стемповский вошел в историю Новороссийского края как светлая личность, образованный и проницательный ученый и администратор, память о котором долго хранилась в сердцах жителей Керчи: одна из больших улиц города была названа его именем, над его могилой на вершине горы Митридат в 1834–1835 гг. была возведена часовня (Рис. 2), «с которой открывается вид на город и страну, составлявшие предмет постоянной его заботливости» (Рис. 3) (Жиль. 1854. С. VIII). Дюбрюкс так говорил о памятнике другу: «Здесь покоятся останки заслуженного и доброго Стемповского, человека благодетельного без хвастовства, ученого без тщеславия, служившего украшением человечества и положившего основание Керчи... Да простят меня в том, что я мимоходом бросил цветок на его могилу; двадцатидвухлетняя тесная связь послужит мне в том извинением» (Жиль. 1854. С. XII, XIV). К стыду потомков, после 1945 г. часовня и могила Стемповского были снесены.

Согласно духовному завещанию Ивана Алексеевича от 18 сентября 1830 г. вся его коллекция древних монет должна была перейти к его другу детства,

¹⁰ В 1784 г. вместо Керчи и Еникале предполагалось построить на месте Павловской батареи большую крепость под названием Боспор (Скальковский. 1838. С. 169–170).

воспитаннику А. де Ришелье, сначала русскому офицеру, а затем французскому вице-консулу в Риге Иосифу Мефреди (Méfreidy), чтобы он продал их «в свою пользу» Парижскому кабинету медалей и древностей. Но Николай I по докладной записке акад. Е. Е. Кёлера на имя министра двора запретил вывоз столь редкой коллекции за рубеж. Под давлением министра внутренних дел Д. Н. Блудова приказом М. С. Воронцова в Одессе была создана специальная комиссия, руководившаяся известным каталогом Мионне и оценившая коллекцию в 34468 франков, т. е. примерно в 8617 руб. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1833. Д. 3). Администрация Новороссийского края безуспешно просила разделить дублетные монеты между Одесским и Керченским музеями (РА ИИМК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 39 об–40). В Петербурге оценочная сумма была пересмотрена недоброжелателем Стемпковского академиком Е. Е. Кёлером и занижена до 7813 руб. серебром (Веселовский. 1915. С. 195; Спасский. 1970. С. 142). В результате собрание было приобретено Имп. Эрмитажем за 25 тыс. рублей ассигнациями. В его состав входили 2568 монет: 33 – монеты Фанагории, 185 – Пантикапея, 494 – боспорских царей, 109 – Херсонеса, 253 – Ольвии, 18 – Тире, а также еще около 2000 монет других древнегреческих и римских центров (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1833. Д. 3. Л. 108–155 об.; каталог монет, автограф Е. Е. Кёлера; Ашик. 1863. С. 910). В 1834 г. Кёлер включил в эрмитажную коллекцию лишь 865 монет из коллекции Стемпковского – 22 золотых, 10 электровых, 127 серебряных, 706 медных, остальные были переданы в обменный дублетный фонд (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1833. Д. 3. Л. 5–5 об.). Значительное книжное собрание Стемпковского, включавшее ценные книги по истории, археологии и нумизматике, произведения античных авторов на французском, латинском и русском языках согласно его завещанию поступило в созданную по его инициативе Одесскую городскую публичную библиотеку, открытую в 1830 г. (Попруженко. 1911. С. 4–84; Фельдман. 1990. С. 143, 145).

Архив Стемпковского, к сожалению, до нас не дошел. Открытое уже после смерти ученого Одесское общество истории и древностей (ООИД) сразу же после своего основания 16 октября 1839 г. обратилось к коллежскому секретарю Будищеву, племяннику И. А. Стемпковского, с просьбой «сообщить» оставшиеся от археолога бумаги и портрет для составления биографии покойного (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 55. Л. 13). Однако, судя по записям историка А. А. Скальковского, какая-то часть, либо весь архив Стемпковского перешел к Ашику (ОР ОГНБ. Ркп. 62/6. Л. 21), как и бумаги Дюбрюкса, на основе которых якобы и были составлены отдельные главы известного сочинения директора Керченского музея «Воспорское царство» (Ашик. 1848–1849).

Стемпковский оставил после себя небольшое по численности, но значимое научное наследие. Как вспоминают современники, осознавая неотвратимость близкого конца, он занимался наукой с какой-то лихорадочной жадностью, посвящая ей редкие часы

досуга. Стемпковский напутствовал будущего директора Керченского музея: «Почва Греции и Рима отощала, а богатства нашей ученой Новороссийской почвы неистощимы» (Ашик. 1863. С. 910). Имя одесского археолога приобрело европейскую известность сразу после издания монографии Дезире Рауль Рошета «Греческие древности Боспора Киммерийского» (Raoul-Rochette. 1822), в которой широко использованы материалы Стемпковского и Бларамберга. Парижские публикации одесских антиквариев познакомили западноевропейских ученых с великолепием археологических памятников юга России.

В августе 1823 г. И. А. Стемпковский представил М. С. Воронцову свою знаменитую записку на французском языке «Note sur les recherches d'antiquités qu'il y aurait à faire dans la Russie Méridionale» (Мысли об изыскании древностей в Новороссийском крае), ставшую своего рода археологическим кредо объединений любителей древностей на юге России. Ее автограф обнаружен мною среди материалов Канцелярии Новороссийского генерал-губернатора (ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 1–4). Записка И. А. Стемпковского впервые была опубликована на русском языке в расширенном и несколько переработанном виде в журнале П. П. Свинына «Отечественные записки» (Стемпковский. 1827 б), позднее на французском, по архивному подлиннику, А. А. Скальковским (Скальковский. 1838. С. 334–338).

Обращая внимание на постоянное использование руин древних зданий в качестве каменоломен для нового строительства, И. А. Стемпковский сетовал, что «следы сии, по мере заселения края, ежедневно более и более изглаживаются». Многие поселения, упоминаемые древними географами, уже невозможно найти на местности. Задача образованных людей – спасти от гибели многочисленные археологические памятники, которые «могут дать самые достоверные свидетельства религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших». Многие причерноморские памятники, описанные П. С. Палласом, Л. С. Вакселем и другими путешественниками, уже не существуют в тех местах, где они были найдены – часть древностей попала в частные руки или увезена за границу. Такие вещи оказались «навсегда... потеряны для науки», становясь беспаспортными.

По мысли автора, антиквариаты должны объединяться в научное общество с единой программой полевых и кабинетных исследований, способствовать созданию сети специализированных археологических музеев. Поодиночке занимаясь археологическими исследованиями, ученые и любители никогда не добьются тех успехов, которых можно достичь сообща, имея общую программу действий и необходимые средства для раскопок и издания своих трудов. «Как часто случается, – писал Стемпковский, – что ученый, не имея кому сообщить родившейся в уме его мысли, предается ей с пристрастием, и созидает систему, тем более увлекательную и опасную, чем более он имеет ума и познаний; как часто ослепленный

Рис. 2. Часовня на могиле Стемпковского на вершине горы Митридат в Керчи. Рисунок архитекторского помощника Шмакова, сентябрь 1853 г. (РА ИИМК)

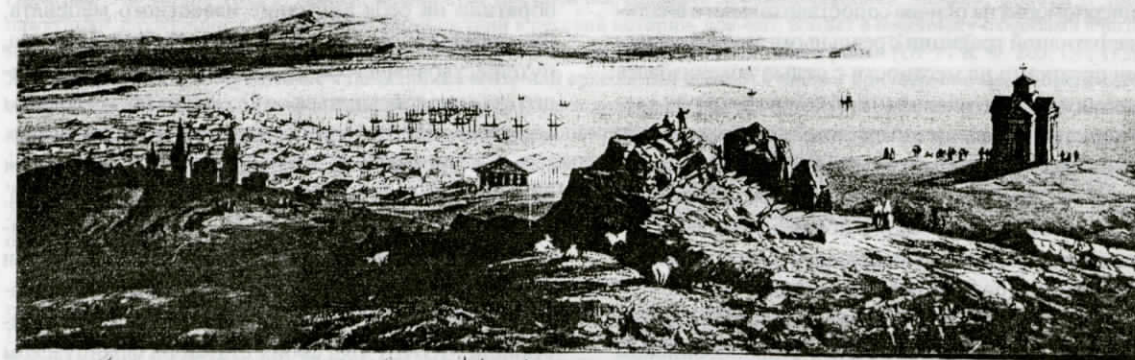

Рис. 3. Панорама Керчи с вершины горы Митридат. С цветной литографии Карло Боссоли из альбома «The beautiful scenery chief places of interest throughout the Crimea from paintings by Carlo Bossoli» (London: Day&Sun, 1856)

ложным блеском сей мысли, он не примечает слабых сторон оной, а стараясь подкрепить ее обширною ученостью и обольстительными доводами, он невинно обманывает публику, обманывая самого себя!» (Стемпковский. 1827 б. С. 45–47). Атмосфера строгой научной критики и «благородного соревнования» между антиквариями должна способствовать скорейшему прогрессу науки и поиску истины. Основная цель общества — «разыскивать, собирать и хранить, описывать и объяснять все памятники древности, на северных берегах Черного моря разновременно найденные и впредь находимые». Основными направлениями деятельности научного общества должны стать: 1. Составление свода известий древних авторов по истории и географии края. Впоследствии ту же задачу ставили перед собой Одесское общество истории и древностей (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 22), а затем Русское археологическое общество (Перечень. 1856. С. 18); 2. Составление полных сводов уже опубликованных эпиграфических, нумизматических и археологических памятников. Необходимо «распределить оные по порядку городов и народов, коим они некогда принадлежали; извлечь наилучшие об оных суждения тех ученых мужей, коими они были изданы и описаны, и дополнить сии суждения новыми объяснениями»; 3. Описание всех находок, попавших в частные собрания, так и археологических памятников, находящихся на местности, главным образом, руин городов; 4. Проведение «под надзором членом» общества археологических раскопок в развалинах городов и древних «гробницах». Особое внимание уделять поиску древних надписей и монет, «сих надежнейших исторических свидетельств, которые могут послужить к дополнению большею частию утраченных летописей царств, городов и народов, на берегах Понта Эвксинского существовавших». Одно из направлений деятельности общества — охрана памятников с целью «поддержания от совершенного разрушения остатков тех древних зданий, кои еще заметны», соби́рание и бережное хранение найденных вещей в музеях; 5. Составление планов всех древних городов и поселений, следы которых еще видны на поверхности. Составление архитектурно-археологических обмерных чертежей (планы и профили сохранившихся древних зданий); 6. Составление карты древних поселений Северного Причерноморья на основе сопоставительного анализа нарративной традиции с реальными археологическими остатками на местности с целью локализовать «местоположение многих знатных городов, коих следы почитаются ныне потерянными». Далее автор перечисляет пункты, которые, по его мнению, необходимо исследовать в археологическом отношении (уделяя основное внимание поселениям, а не могильникам), от Аккермана (древней Тире) на западе до Таманского полуострова на востоке.

Записку И. А. Стемпковского «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском

крае» (1823) с полным основанием можно расценить как первую научно-исследовательскую программу отечественной классической археологии, где впервые были названы стратегические цели и тактические задачи развития науки. Как ни парадоксально, программа была выработана дилетантом, а не профессиональным ученым. Дилетантизм (в данном случае, без уничижительного оттенка) в период становления классической археологии был неизбежен, т. к. фонд собственно научных знаний и принципов только формировался. Объектами научного исследования, по Стемпковскому, должны стать все без исключения древности, независимо от их материальной и художественной ценности: «Мы должны тщательно собирать и хранить каждый отрывок древних рукописей, надписей на камнях, каждую медаль, каждый обломок статуй, барельефов: самая незначительная вещь может иногда объяснить древние предания и разогнать мрак, их покрывающий» (Тункина. 1987. С. 225). Он безоговорочно осуждает тех любителей, которые «из любопытства» собирают древности, не зная их подлинной исторической ценности и значения для науки (Стемпковский. 1827 б. С. 43–44). Исходя из этого научного credo, я не могу принять вывод А. А. Формозова, что Иван Алексеевич понимал задачи археологии прежде всего с эстетических позиций, т. е. в русле художественной археологии (Формозов. 1961. С. 46; 1986. С. 41). Во многом благодаря записке Стемпковского в русское общество «постепенно, хотя и очень медленными шагами, стало проникать сознание необходимости сохранять древние памятники и относится к ним с надлежащим вниманием и уважением» (Новосадский. 1915. С. 159–160).

И. А. Стемпковский прекрасно осознавал, что только силами антиквариев Одессы и Керчи претворить в жизнь столь глобальные задачи просто невозможно, прежде всего, из-за отсутствия у дилетантов должной историко-филологической подготовки, поэтому он искал единомышленников в обеих столицах. Иван Алексеевич неустанно убеждал отечественных антиквариев в необходимости изучения не только славяно-русских, но и классических древностей, находящихся на территории России. И. А. Стемпковский и И. П. Бларамберг установили тесные контакты с П. И. Кёппеном. Труды одесских ученых обратили на себя внимание известного мецената, государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, путешествовавшего в 1823 г. по Новороссии. Канцлер стал переписываться со Стемпковским, главным образом, о пополнении своего собрания античных монет и древностей, о проведении П. Дюбрюком раскопок в Керчи на предоставленные им средства. Одесские археологи пытались заинтересовать древностями Южной России членом Общества истории и древностей российских при Московском университете (МОИДР)¹¹. Избранные его членами, они представили МОИДР ряд своих статей на французском

языке, часть которых была издана обществом в русских переводах. 27 октября 1826 г. «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» были зачитаны на заседании МОИДР (ОР РГБ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 3. Л. 9; Стемпковский. 1827 б; Стемпковский. 1827 е). В письме к председателю общества А. А. Писареву от 17 августа 1826 г. Иван Алексеевич призывал коллег организовать археологическую экспедицию для изучения древностей Новороссии: «Нельзя надеяться, чтобы предположение мое об учреждении в здешнем крае общества для исторических и археологических исследований, могло так скоро исполниться. Но общество московское, занятиям коего не могут быть чужды предметы древности греческой, к областям российской империи относящиеся, могло бы самым успешным образом заменить сей недостаток. Оно могло бы... поручить некоторым из членов своих объехать Южную Россию, исследовать и определить все древние местоположения, и описать существующие еще следы городов и памятников, стараясь об отыскании неизвестных. К членам общества мог бы быть присоединен художник для снятия планов и рисования памятников. Таковое путешествие принесло бы величайшую пользу, не стоило бы больших издержек, и могло бы быть совершено в 2 или 3 года, — может быть и менее. Оно послужило бы к объяснению истории здешнего края, спасло бы от забвения многие памятники, которые вероятно скоро исчезнут, и доставило бы любителям древностей утешение равнодушнее взирать на постепенное уничтожение признаков, свидетельствующих о славе древних народов здешней страны» (ОР РГБ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 4. Л. 21–21 об.; Стемпковский. 1827 е). Однако подавляющее большинство членов МОИДР не одобряло такое расширение задач общества. Секретарь МОИДР И. М. Снегирев писал П. И. Кёппену в январе 1824 г.: «Господа члены наши Бларамберг и Стемпковский, мужи почтенные, сообщают нам сведения о древностях Новороссийского края, но они не вполне соответствуют

документов по русской истории. В него вошли преподаватели университета, а также историки, архивисты и археографы (Н. М. Карамзин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, А. И. Мусин-Пушкин и др.). Общество руководствовалось уставом, одобренным Александром I в январе 1811 г., который ограничивал состав МОИДР не более 30 членами с условием, что большая их часть должна быть жителями Москвы «для вящего успеха в делах». Параграф 3-й устава 1811 г. гласил: «Общество постарается собирать древние рукописи, медали, монеты и другие памятники, служившие к объяснению происшествий в русской истории, для чего войдет в переписку с особами в разных местах России живущими, которые могут доставлять ему вещи или сведения такого рода» (ОР РГБ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1. Л. 196 об., 197 об., 199). Интерес к памятникам античной археологии появился лишь с приходом на место председателя общества (1823–1830 гг.) генерал-майора Александра Александровича Писарева (1780–1846), заслуга которого состоит в привлечении к сотрудничеству с МОИДР ученых и любителей, интересовавшихся классическими древностями. В 1823 г. действительными членами общества были избраны Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, И. П. Бларамберг, почетными членами А. Н. Оленин и С. С. Уваров, в 1825 г. — действительным членом И. А. Стемпковский (ОР РГБ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 2. Л. 33 об., 107, 418, 438 об.; Д. 3. Л. 23 об.; Д. 5. Л. 361). После ухода А. А. Писарева с поста председателя контакты общества с археологами-классиками прекратились.

¹² Неполный перечень статей Стемпковского см.: примечания Н. Н. Мурзакевича к некрологу керченского градоначальника, написанному Ашиком, но опубликованному после его смерти секретарем ООИД (Ашик. 1863), а также: Прозоров. 1898 (по указателю). Требуя отдельного выявления работы, опубликованные Стемпковским во Франции. К сожалению, в библиотеках Петербурга отсутствуют полные комплекты французского и русского изданий одесской газеты *Journal d'Odessa* (Одесский вестник), где опубликованы многие статьи Стемпковского, поэтому ссылки на конкретные страницы в списке литературы в ряде случаев не указаны. Стемпковский подписывал иногда свои корреспонденции как 1) Ст., И. 2) St., J. См.: Масанов. 1960. С. 453.

¹¹ МОИДР — первое научно-историческое общество в России, созданное в 1804 г. с целью изучения и публикации

предложенной цели общества, посвященного русской истории и русским древностям» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 258. Л. 12). Таким образом, предложения одесских археологов по расширению проблематики исследований, к сожалению, не встретило поддержки МОИДР.

За сравнительно короткий срок Стемпковский успел написать более 40 научных трудов¹². В своих исследованиях он пытался выйти за узкие рамки филологического или чисто антикварного (художественно-эстетического) анализа различных категорий археологического материала, используя его, прежде всего, в качестве полноценного исторического источника. Основной страстью ученого, несомненно, являлась нумизматика, прежде всего монеты Боспорского царства (Стемпковский. 1826 в; Стемпковский. 1827 д; Stempkowski. 1822 б; Stempkowski. 1827 б; Stempkowski. 1827 в; Stempkowski. 1829 в; Stempkowski. 1829 г). Ему принадлежит приоритет в выделении образцов боспорской чеканки Радамсада, Гипеперии, Фарсанза. Допущенные им неточности некоторых описаний и ошибки в прочтении имен ряда боспорских династов (например, Радамсадис вместо Радамсада) объясняются плохой сохранностью единичных монет неизвестных ранее типов и невозможностью сличения с им подобными. В области эпиграфики Стемпковский явился первым издателем целой серии боспорских надписей (Стемпковский. 1827 а; Стемпковский. 1828; Стемпковский. 1829 а; Стемпковский. 1829 б; Стемпковский. 1832 а; Стемпковский. 1832 б; Stempkowski. 1829 а, Stempkowski. 1829 б; Stempkowski. 1829 д; Stempkowski. 1830 а; Stempkowski. 1830 б). Вопросы политической истории Боспора и Нимфея и их связей с Афинами затронуты в историческом исследовании о Нимфее (Stempkowski. 1828). Стемпковский оставил множество научных и научно-популярных статей и заметок в столичных и периферийных изданиях как на русском, так и на французском языках. Информацию об археологических

находках в Новороссии в виде корреспонденций он публиковал во французских изданиях газет «Messager de la Russie Méridionale», «Journal d'Odessa» (Гребцова. 1995. С. 173) и «Journal de St.-Petersbourg», русскоязычных «Библиографических листах» П. И. Кёппена, журналах «Отечественные записки» П. П. Свинина, «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского и «Московском вестнике» М. П. Погодина, т. к. собственно научная периодика в России того времени была представлена только изданиями Петербургской АН.

Напомню, что академическая наука об античности в те годы была представлена ординарным академиком Петербургской АН (1817), начальником I Отделения, Иностранной библиотеки и антиков Имп. Эрмитажа (1805–1837) Егором Егоровичем (Генрихом Карлом Эрнстом) Кёлером (1765–1838), полным антиподом Стемпковского по стилю научного мышления. Уроженец Саксонии, выпускник Лейпцигского университета, он в 1791 г. прибыл в Петербург, а в 1798 г. стал библиотекарем и хранителем Кабинета антиков и медалей Императорского Эрмитажа. В 1804 и 1821 гг. антикварий совершил две специальные археологические экспедиции по Причерноморью, по итогам которых были приняты распоряжения властей об охране памятников (1805, 1822). Результаты своих штудий он публиковал крайне малыми тиражами, не поступавшими в свободную продажу и распространявшимися в узком кругу профессионалов. К сожалению, взаимоотношения между представителями академической науки, в лице Е. Е. Кёлера, и местными неформальными объединениями исследователей в конечном итоге не сложились: «Труды людей, отдельно какою-либо наукой занимающихся, весьма часто возражают между ними некоторое соперничество, иногда вредное для оной...» (Стемпковский. 1827 б. С. 47). Резкий тон отзывов Е. Е. Кёлера о трудах Рауль-Рошетта, Кёппена и одесских антиквариев зачастую переходил допустимые границы научной этики. Вместо спокойной конструктивной критики на первый план вышла капризная раздражительность и придирки по мелочам, которые стали объективным тормозом развития науки на периферии. Академик вскрывал неизбежные недостатки в трудах своих оппонентов, давая при этом понять, что дилетанты – «невежественные пришельцы», «варяги» в храме антиковедения, чьи публикации пестрят «фальшивыми, вымышленными утверждениями» (Köhler. 1826. Р. 771). Кёлер явно недооценивал конкретные полевые археологические исследования провинциалов и гиперкритически относился к их

историческим построениям, выпячивая неизбежные ошибки и не замечая определенных достоинств их работ (Тункина. 1994. С. 162). Пренебрежительное высокомерие академика к работам «несчастных младших детей Понтийской Клии», объясняемое стремлением сохранить первенство в науке, дополнялось как открытым игнорированием опубликованных исследований провинциалов, так и приписыванием себе приоритета первого издания неизвестных ранее эпиграфических и нумизматических памятников. Ряд боспорских монет, впервые введенных в научный оборот И. А. Стемпковским и И. П. Бларамбергом, Е. Е. Кёлер либо необоснованно объявлял фальшивыми, либо ошибочно приписывал парфянским или селевкидским владетелям. В кругу своих единомышленников Бларамберг называл академика Кёлера «М-г Cèlege» (господин Гнев), а также «конфузионным советником» (Мурзакевич. 1886. С. 666), Стемпковский – «почтенным нашим старшиной» и «страшным нашим Аристархом» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 5 об., 11).

После публикации резких критических рецензий Е. Е. Кёлера в адрес Рауль-Рошетта, Бларамберга, Кёппена и Стемпковского (Köhler. 1823; 1850), Иван Алексеевич встал на защиту своих коллег, пытаясь доказать важность и значимость международных контактов для отечественной науки. В открытом письме редактору «Вестника Европы» по случаю выхода книги Д. Рауль-Рошетта он писал: «Смело могу уверить, что важнейшие из надписей и медалей, изданных Рошеттом, давно известны были многим у нас в России; но публика ничего о них не знала, и сокровища сии, незначущие ничего, доколе сокрыты в пыли кабинетов, были потеряны для ученого света... Направление дано, и мы теперь можем надеяться, что мало помалу... несовершенства исправятся благоразумною критикой, темные места объяснятся, и новые любопытные сведения и материалы для истории не будут более *тлеть* в портфелях и кабинетах. Вот истинная польза, доставленная благонамеренным предприятием г. Рошетта, и мы должны быть ему благодарны, несмотря на то, что он иностранец. Науки не равно ли принадлежат всем просвещенным людям без различия лиц и наций?» (Стемпковский. 1824 г. С. 234–235). Сложившееся противостояние провинциалов и Кёлера очень метко обрисовал И. А. Стемпковский в письме Кёппену от 27 июня 1824 г.: «Ответ ваш на *буйную* критику почтенного нашего старшины¹³ нахожу я очень умеренным в сравнении с его жестокою

выступкою противу вас и всех других, осмелившихся заниматься древностями Понтийскими. Спасибо вам, что вы и себе не дали наступить на ногу, и нас всех защитили от острых стрел странного нашего недобротоха! Возражение ваше справедливо, дельно, ясно; вы опровергаете критику делом, а не бранью, так как антагонист ваш. В жару досады своей он написал (к удивлению моему) так много нелепостей, несообразностей, противуречий, что если бы отвечать на все, можно было бы написать целые фолианты. Жаль, что чрез сие история здешнего края, и без того довольно темная, еще более затемняется и запутывается, что многие памятники, в достоверности которых нет никакого сомнения, одним словом г. Кёлера выписываются в число подложных. Судя по знаниям его и опытности, многие поверят ему более, нежели кому-либо. Зло, нанесенное им чрез сие науке, коей посвятил он жизнь свою, исчислить невозможно, и я не понимаю никак чувств его и намерений в сем случае» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 5–5 об.). Митрополит Евгений (Болховитинов) в письме графу Н. П. Румянцеву так прокомментировал ситуацию: «Самому г. Кёлеру надобно бы помнить злую и пристыдительную на себя критику покойного Буле... Известно, что мастера не любят славы подмастерьев и учеников» (Переписка. 1885. С. 82, 83).

В этой связи показательна полемика Стемпковского с Кёлером о том, где располагался театр военных действий за наследство Перисада. В своем специальном исследовании петербургский академик соотнес руины циклопических стен и древних построек на горе Опук с упоминаемым Диодором Сицилийским «дворцом боспорских царей», где восставший Эвмел вместе с царем фракийцев Арифарном оборонялся против своего брата Сатира (Diod., XX, 22–24). Древнюю Гаргазу, куда были отведены войска после смерти Сатира, ученый локализовал близ позднейшей турецкой крепости Арабат (Köhler. 1824; Köhler. 1850 б). Прочитав исследование академика, Стемпковский сообщил Кёппену 27 июня 1824 г.: «В сей книге много нового и любопытного, много и ложных положений. В самом основании сего сочинения автор, по мнению моему, совершенно ошибается, полагая Керченский полуостров театром войны между трех братьев. Я спрашиваю вас, можно ли принять, чтобы в сем полуострове существовала когда-либо *большая и глубокая река*? Все напротив показывает нам в рассказе Диодора, что война происходила в Азии, около Кубани, или соседственной какой-либо реки. Самый *Замок царский* принадлежал не царям Воспорским, а царю Арифарну, который был осажден в столице своей: ничего не может быть яснее! Я издавна много занимался этою статьею, и даже 2 или 3 года тому назад сообщал о сем мысли мои г-ну Рошетту...». К этой теме Стемпковский вернулся 7 августа 1825 г.: «...Я думаю, вы уже читали ее [статью Кёлера. – И. Т.] – и верно удивились несообразности системы нашего ученого Старшины. Нужно только при чтении иметь перед глазами карту Керченского полуострова, чтобы

на каждом шагу видеть непонятное заблуждение систематического духа. Я прежде кое-что писал о сем предмете, а по прочтении статьи г-на Кёлера решился написать опровержение Системы его, основанное на географических доводах, и проч. Статью мою, состоящую в 100 или более страницах в 4°, давал я читать почтенному Ивану Павловичу [Бларамбергу. – И. Т.], который совершенно остался на моей стороне. При всем том, я ужасно боюсь показаться с произведением моим в свете: оно навлечет мне проклятие Старшины нашего. Чтобы заранее смягчить яд жестокости, я пишу ему, объясняя некоторые статьи, в коих полагаю, что он ошибается; прошу совета его, объяснения и проч. Не знаю, что будет отвечать. Между тем работа моя лежит в портфеле». В письме от 7 октября 1825 г. Стемпковский уточняет: «Мои *Замечания* на статью... написаны по-французски. Я бы охотно перевел и вам доставил, но статья слишком велика для ваших Листов [Библиографических листов, издаваемых Кёппеном. – И. Т.]... Нельзя было не распространиться, ибо в *опровержениях* нужны *доводы*, без которых только один наш Строгий Критик позволяет себе рассматривать сочинения других. Он воображает, что когда уже сказал *falsch*, то больше ничего не нужно. Я еще сам не знаю, что сделаю с сими *Замечаниями*; Бларамберг их читал, и очень одобрил. Я писал о них Кёлеру, но он по сие время молчит. При статье сей приложу я Карту Керченского полуострова, взятую из Столистова Атласа: это мне кажется лучшая из всех у нас существующих». Свою статью Стемпковский направил в Парижскую Академию надписей, где предложил небольшую конъектуру к тексту «Исторической библиотеки» Диодора: «Как можно, в самом деле, чтобы Арифарн, помогавший Евмилу, был Царем Фракийским? Как бы занесла его нелегкая из Фракии, с столь многочисленным войском, в такую даль – и для чего, для каких выгод – прибавим, и в то самое время, когда Лисимах буживал во Фракии, и рассчитывался со всеми тамошними народами, греками и варварами? Это вещь невозможная – да и сам Диодор называет Арифарна *Царем соседственных Воспору Варваров*. Но сделайте самую незначущую поправку, вместо *ὁ τῶν Θρακῶν βασιλεὺς* прочитайте *ὁ τῶν Συρακῶν βασιλεὺς* (ошибка переписчика самая естественная *θ* вместо *σι*) и все объяснится, ибо *Сирачи* были народ соседственный Воспору, довольно могущественный, как видно из Стравона. В письме нельзя объяснить подробно всех моих доводов, подкрепляющих вышеизложенное мнение, но надеюсь при свидании сообщить вам мою рукопись и сделать судьбою моим. Копию оной послал я в Париж Академии надписей, в коей она была читана. Все ошибки, все предубеждения г-на Кёлера произошли от того, что он считает *Царский замок* принадлежавшим Воспору... Но сам Диодор говорит, что замок *лежал в Стране неприязненной* (слова, выпущенные в переводе г. Кёлера) и нет сомнения, что сей Замок принадлежал Арифарну и был его Столицею, *Regia*. Сему приведу я неоспоримые доводы. Недавно,

¹³ Стемпковский имеет в виду рецензию (Köhler. 1850 а) на труд Кёппена «Древности северного берега Понта» (Körpen. 1823 а). Кёппен искусно отпарировал большинство замечаний в особой статье, в которой указал Кёлеру, что он «сам далеко не столь непогрешим, как ему представляется» (Körpen. 1823 б). Митрополит Евгений (Болховитинов) так отреагировал на эту полемику в письмах к П. И. Кёппену от 19 декабря 1823 и 22 июня 1824 гг.: «Но вот что у нас замечательно: иностранцы вас хвалят в журналах, а наш академик Кёлер при своей книжке на Raoul-Rochette... на конце приписал три странички и на ваш счет, и сим не удовольствовавшись, издал еще особую сего же года там же на Вас книжку *Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. Ученые завистливы сверстникам в своем мастерстве», а, прочитав ответ Кёппена, отметил: «Завистливому и гордому нумизматику Вы хорошо отвечали» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84. Л. 7–7 об., 9).

некто г. Штир, живущий в Севастополе инженерный офицер, напечатал в Северной пчеле письма о Крыме [см.: Х. Ш. 1827. — И. Т.]. Между прочим, он утверждает, что открытые близ Симферополя следы древнего укрепления [Неаполь Скифский. — И. Т.] принадлежат Диодоровской Гаргазе. Доводы г. Штира доказывают только, что он жалкий антикварий и плохой логик. Против сей статьи напечатано было в 88 № *Одесского вестника* возражение, в коем относящееся до Гаргазы было сообщено мною [см.: Письмо. 1827. — И. Т.]. Пчела перепечатала сие возражение в своем № 141, где вы можете прочитать оное, если не имеете *Одесского вестника*» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 6, 8 об., 12 об., 15, 21–22). По свидетельству Дюбрюкса, Стемповский локализовал царскую крепость в районе Екатеринодара (ныне Краснодар), на одной из рек, впадающих в Кубань, древний Гипанис (Дюбрюкс. 1858. С. 60–63). Большинство современных исследователей также полагает, что описанные Диодором Сицилийским события происходили в каком-то районе Прикубанья (Качарава, Квирквелия. 1991. С. 63–65). Показательно, что ту же конъектуру к тексту Диодора, что и Стемповский (Σιρακῶν вместо Θρακῶν), много позднее предложил также К. Мюллер (RE. Bd. 3. S. 759). А. Бёк внес собственную правку — Θατέων вместо Θρακῶν (SIG. II. P. 103–104), принятую большинством исследователей истории Боспора. Версия об участии сираков в междоусобице сыновей Перисада впоследствии разделялась рядом ученых (Жебелев. 1953. С. 178; Струве. 1968. С. 151; подробнее см.: Десятчиков. 1977).

Очевидно, что творческие дискуссии в науке необходимы. Другое дело, когда представители одних научных взглядов не дают и слова сказать приверженцам других точек зрения. По классификации ученых, предложенной науковедом В. Оствальдом, Кёлер относился к типу классиков, Стемповский — к типу романтиков. Классики, согласно Оствальду, работают в тиши уединения, не имеют учеников и не создают школы, в их деятельности преобладают элементы индивидуального творчества. Напротив, романтики много времени отдают научно-организационной деятельности, пропаганде своих взглядов, популяризации их в обществе; их творчество тесно переплетается с деятельностью научного коллектива. Открытый характер Стемповского предопределил и стиль его научной деятельности — его работы напрямую увязаны с полевыми и кабинетными исследованиями его единомышленников в Новороссии, коллег в Петербурге (П. И. Кёппен), Киеве (С. И. Шодуар), Париже (Д. Рауль-Рошетт), Вене (Арнет), Берлине (А. Бёк). Напротив, Е. Е. Кёлер всячески оберегал «монопольную ситуацию», сложившуюся в русском антиковедении первой трети XIX в. Высокомерие и профессиональный снобизм столичного академика на какое-то время стали тормозом для появления и новых идей, и новых людей в археологии. И. А. Стемповский, смотревший на задачи науки с более широких позиций, сумел определить дальнейшие пути ее развития на многие

десятилетия вперед. Для современной археологии как источниковедческой дисциплины гораздо большее значение имеют кропотливые натурные исследования дилетантов (материалы их раскопок, описания и планы архитектурно-археологических остатков античного времени), нежели труды акад. Е. Е. Кёлера, стоявшие на высоте современного ему научного знания, но сегодня вызывающие лишь чисто историографический интерес.

Конфронтация Кёлера с провинциалами привела к тому, что Одесский и Керченский археологические кружки фактически потеряли связь с Петербургской АН, а их члены предпочитали отправлять свои исследования и материалы о новых находках не в Петербург, а в Париж и Берлин, где ученые оказались более благожелательны к представителям русской провинциальной науки. После серии резких публикаций Е. Е. Кёлера в адрес И. А. Стемповского, И. П. Бларамберга и П. И. Кёппена издательская активность дилетантов значительно упала. Большинство выполненных ими исследований 1820-х — начала 1830-х гг. остались неизданными, хотя их публикация существенно обогатила бы науку. Среди них большая работа И. А. Стемповского по истории Боспора, основанная на критическом анализе всех известных на то время письменных, нумизматических, эпиграфических и археологических источников (рукопись была направлена автором в Парижскую Академию надписей), сочинение «*Chronologie du Bosphore*», статья «О царях Восточных Савроматского поколения» и т. п. (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 282. Л. 24; Оп. 1. Д. 145. Л. 45). Неизданной осталась серия статей И. П. Бларамберга по различным археологическим вопросам, и ряд работ Дюбрюкса, рукописи которых, к счастью, сохранились в архивах Петербурга, Москвы, Киева и Одессы. П. И. Кёппен оставил археологические штудии и переключился на занятия статистикой, этнографией и географией России, хотя собирал сведения об археологических памятниках до конца своих дней.

Показательно, что в отечественной историографии античности, начиная с середины XIX в. (Леонтьев. 1851. С. 76, 83–84) заслуги петербургского академика традиционно подчеркивались (Фролов. 1967. С. 104–105, 111; Нейхардт. 1982. С. 26–27), а его ошибки и недостатки просто забылись. Поэтому и неудивительно недавнее появление панегирической статьи о нем (Уткина. 1999). По отношению к личности Е. Е. Кёлера сработал так называемый «эффект Матфея», открытый Р. Мёртоном и заключающийся в том, что распределение признания и забвения в научном сообществе соответствует высказыванию, содержащемуся в «Евангелии от Матфея»: «Имущему да умножится, у неимущего да отнимется». Другими словами, известные ученые получают зачастую непропорциональное научное признание, в то время как малоизвестные остаются таковыми и забываются навсегда. Так, при оценке деятельности провинциалов из Одессы и Керчи нередко подчеркивается ее непрофессиональный характер —

недостаточный уровень научной подготовки (включая знание классических языков), небрежность при проведении раскопок и т. п. (Леонтьев. 1851. С. 73–77; Фролов. 1967. С. 102, 107; Нейхардт. 1982. С. 27), а не их заслуги перед наукой как первооткрывателей ряда ее направлений. На этом фоне звучит диссонансом высокая оценка, данная М. И. Ростовцевым работам археологов-дилегантов первой трети XIX в.: «...В большинстве вопросов, касающихся юга России, приходится... с сожалением констатировать, как правильно были поняты задачи научного расследования в начале XIX в. чиновниками и любителями и как мало сделало последующее время для разрешения поставленных проблем (Ростовцев. 1918. С. 188–189). Отступление от проблематики, поставленной в статьях И. А. Стемповского, П. А. Дюбрюкса и И. П. Бларамберга, академик М. И. Ростовцев назвал «одним из величайших грехов русской науки» (Ростовцев. 1925. С. 258; Ростовцев. 1993. С. 30). Известный науковедческий постулат о том, что на начальных этапах развития науки дилетантизм играет немаловажную роль, но его эффективность резко падает на уровне развитой, расчлененной науки, при анализе ситуации, сложившейся в русской классической археологии первой трети XIX в., полностью себя оправдывает.

Неразвитость организационных форм классической археологии и наметившееся противостояние ученых северной столицы и провинциальных объединений любителей отрицательно сказалось на процессах сложения местных центров классической археологии в Одессе и Керчи. Соперничество и разногласия, разница подходов к изучению памятников в конце концов привела к печальному результату. Уход из жизни в начале 1830-х гг. И. П. Бларамберга (1831), И. А. Стемповского (1832), П. Дюбрюкса (1835) привел к потере преемственности в полевой практике и забвению заветов И. А. Стемповского, призывавшего изучать все группы памятников, прежде всего поселения. Е. Е. Кёлер (ум. в 1838 г.), претендовавший на единоличное обладание научной истиной, не имел учеников и не оставил школы — его кафедра в Петербургской АН оставалась вакантной 12 лет, вплоть до 1850 г., когда ее занял академик Л. Э. Стефани.

Главным итогом деятельности Стемповского на поприще науки несомненно является выработка

им исследовательской программы классической археологии Северного Причерноморья. К сожалению, в полном виде прямого развития программа И. А. Стемповского не получила. Программа Одесского общества истории и древностей во многом ее дублировала, но оказалась гораздо слабее и расплывчатее. Лишь на качественно новом этапе развития русского антиковедения, с конца XIX в., была продолжена разработка отдельных ее пунктов, таких, как составление свода известий древних авторов, корпусов эпиграфических и нумизматических источников. Академик В. В. Латышев опубликовал экскерпты из произведений античных авторов вплоть до рубежа V–VI вв. в оригинале и с русским переводом (Latyshev. 1893–1906), подготовил, но не успел издать аналогичный свод по произведениям византийских авторов (Тункина. 1999 б. С. 274–280). Корпус причерноморских эпиграфических памятников античной эпохи увидел свет лишь к концу XIX в. (Latyshev. 1885–1916). В области нумизматики трудами многих поколений ученых и коллекционеров была подготовлена почва для создания сводного иллюстрированного корпуса монет Причерноморья, работу над которым к 1917 г. М. И. Ростовцев и О. Ф. Ретовский завершили вчерне, однако по понятным причинам он остался неизданным (Ростовцев. 1993. С. 29, 37. Прим. 5; Зуев. 1996. С. 8–10). Ученые нашего века пошли по пути углубленного изучения чекана отдельных греческих центров и регионов, следовательно, задача публикации сводного корпуса монет, поставленная еще И. А. Стемповским, до сих пор актуальна и является «непрерывным долгом... нумизмата-античника» (Зограф. 1951. С. 21). Создание «Свода археологических источников», начатое лишь в 1960-х гг. Институтом археологии АН СССР, еще очень далеко от своего завершения.

Спустя почти век исследовательская программа Стемповского в полном объеме возродилась в детализированной исследовательской программе академика М. И. Ростовцева (Ростовцев. 1925. С. 258; Ростовцев. 1993. С. 28). Но главное состоит в следующем: программа Стемповского–Ростовцева по сути дела и на современном уровне не только не потеряла своего значения, но остается наиболее полной исследовательской программой в античной археологии и истории Северного Причерноморья (Тункина. 1993 б. С. 23).

ЛИТЕРАТУРА

- Агбунов. 1985 — М. В. Агбунов. Загадки Понта Эвксинского (Античная география Северо-Западного Причерноморья). М., 1985.
Агбунов. 1987 — М. В. Агбунов. Античная логия Черного моря. М., 1987.
Ашик. 1848–1849 — А. Б. Ашик. Восточное царство. В 3-х ч. Одесса, 1848–1849.

- Ашик. 1863 — А. Б. Ашик. И. А. Стемповский: [Некролог] // ЗООИД. 1863. Т. 5. (с редакторскими подстрочными примечаниями Н. Н. Мурзакевича).
Бартенев. 1992 — П. И. Бартенев. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992.
Буйских. 1999 — С. Б. Буйских. Еще раз о так называемой «одесской» Истории // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1999.

- Веселовский. 1915 – Н. И. Веселовский. О приобретении для Императорского Эрмитажа нумизматической коллекции И. А. Стемпковского // ИТУАК. 1915. № 52.
- Вигель. 1893 – Ф. Ф. Вигель. Записки / Изд. «Русского архива», дополненное с подлинной рукописи. М., 1893. Ч. 7.
- Воронов, Михайлова. 1983 – А. А. Воронов, М. Б. Михайлова. Боспор Киммерийский. М., 1983.
- Гребцова. 1995 – И. С. Гребцова. Пресса южных губерний Украины первой половины XIX в. как источник по истории Новороссийского края // Записки исторического факультета / Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова. Одесса, 1995. Вып. 1.
- Губарь. 1991 – О. И. Губарь. Одесские антиквари (первая четверть XIX ст.): социальный портрет // Древнее Причерноморье: П чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Тез. докл. юбилейн. конф. Одесса, 1991.
- Десятчиков. 1977 – Ю. М. Десятчиков. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977.
- Диамант. 1976 – Э. И. Диамант. Поселение и могильник V–III вв. до н. э. на месте Приморского бульвара в Одессе // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1976. Вып. 8.
- Добролюбский, Красножон. 1998 – А. О. Добролюбский, А. В. Красножон. Блуждающие гавани истриан и исиаков // Древнее Причерноморье. IV-е чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 1998.
- Дружинина. 1970 – Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970.
- Дюбрюкс. 1858 – П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1.
- Екатерина II. 1997 – Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка, 1769–1791 гг. / Издание подготовил В. С. Лопатин. М., 1997 (Литературные памятники).
- Жебелев. 1953 – С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
- Жиль. 1854 – Ф. А. Жиль. Историческое введение // Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854. Т. 1.
- Жуйкова. 1996 – Р. Г. Жуйкова. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996.
- Зеленецкий. 1998 – К. П. Зеленецкий. Записи рассказов одесских старожилов // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1.
- Зограф. 1951 – А. Н. Зограф. Античные монеты. М.; Л., 1951.
- Зув. 1996 – В. Ю. Зув. М. И. Ростовцев и Императорское Московское археологическое общество // Тезисы докладов отчетной сессии Государственного Исторического Музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996.
- Избаш. 1997 – Т. А. Избаш. Основные этапы изучения монетного дела античных городов Северного Причерноморья в России в XVIII–начале XX вв. // Археология и этнология Восточной Европы: Материалы и исследования. Сб. научн. работ, посвящ. 60-летию В. Н. Станко. Одесса, 1997.
- Карейша. 1830 – Д. К...ша. Письмо к издателю «Одесского вестника» о древностях, открытых близ Керчи 22 сентября 1830 г. // ОВ. 1830. 1 ноября. № 88.
- Карейша. 1831 – [Д. В. Карейша.] О древностях, найденных близ Керчи // ЖМВД. 1831. Ч. 4. Кн. 1. Кн. 2.

- Карышковский. 1988 – П. О. Карышковский. Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев, 1988.
- Качарава, Квирквелия. 1991 – Д. Д. Качарава, Г. Т. Квирквелия. Города и поселения Причерноморья античной эпохи (Малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991.
- Константинов. 1990 – В. В. Константинов. Загадка особняка Бларамберга // Константинов В. В. Фрагменты старины одесской: Очерки по истории Одессы. Симферополь, 1990.
- Леонтьев. 1851 – П. М. Леонтьев. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Прописи. 1851. Кн. 1. Отд. 2.
- Лукин. 1929 – Б. В. Лукин. К вопросу о судьбе шести статуй, виденных И. А. Стемпковским и П. П. Свиньным в г. Таганроге, в 1824–1825 гг. // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. 1929. Т. 3. Кн. 1. Вып. 5–6.
- Масанов. 1960 – И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4.
- Мордвинова. 1990 – Н. Н. Мордвинова. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. (Записки его дочери) // Записки русских женщин XVIII–первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеевой. М., 1990.
- Морозов. 1877 – П. Т. Морозов. Из одесских воспоминаний // Русский архив. 1877. Кн. 3.
- Мурзакевич. 1887 – Н. Н. Мурзакевич. Записки / Публ. В. М. Дабизы // Русский архив. 1886. Т. 55. № 3.
- Нейхардт. 1982 – А. А. Нейхардт. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- [Некрологическая заметка]. 1833 – [Некрологическая заметка] // ОВ. 1833. № 6.
- Некрология. 1834 – Некрология за 1832 и 1833 гг. // Московский телеграф. 1834. Ч. 55. № 1. Смесь.
- Новосадский. 1915 – Н. И. Новосадский. Греческая эпиграфика. М., 1915. Ч. 1.
- О греческих древностях. 1823 – О греческих древностях Боспора Киммерийского и Ольвии (извлечено из Revue Encyclopedique) // ВЕ. 1823. Октябрь. № 19.
- Огородников. 1907 – С. Огородников. Собственноручные резолюции императора Николая I по морскому ведомству // Морской сборник. 1907. Т. 343. № 12. Неофиц. отд.
- Переписка. 1885 – Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1823 г. включительно). Воронеж, 1885. Вып. 2.
- Перечень. 1856 – Перечень заседаний Императорского археологического общества за 1853 и 1854 гг. // Записки Имп. Русского археологического общества. 1856. Т. 8. Отд. 2.
- Письмо. 1827 – Письмо крымского помещика к издателю // ОВ. 1827. № 88.
- Попруженко. 1911 – М. Г. Попруженко. Одесская городская публичная библиотека, 1830–1910: Исторический очерк. Одесса, 1911.
- Прозоров. 1898 – П. И. Прооров. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г. СПб., 1898.
- Пушкин. 1934 – Пушкин по документам архива М. П. Погодина. Комм. М. Цявловского // Литературное наследство. 1934. Т. 16–18.

- Пушкин. 1964 – А. С. Пушкин. История Пугачева // Полное собрание сочинений. М., 1964. Т. 8.
- Ростовцев. 1918 – М. И. Ростовцев. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1918. Вып. 65.
- Ростовцев. 1925 – М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925.
- Ростовцев. 1993 – М. И. Ростовцев. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Публикац. и коммент. И. В. Тункиной // ПАВ. 1993. № 5.
- Свиньин. 1828 – П. П. Свиньин. Керчь, древняя Пантикапея. (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок») // ОЗ. 1828. Ч. 34. № 96.
- Свиньин. 1830 – П. П. Свиньин. Взгляд на Одессу. (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» 1825 г.) // ОЗ. 1830. Ч. 41. № 117. (с описанием археологических собраний И. П. Бларамберга и И. А. Стемпковского).
- Скальковский. 1838 – А. А. Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730–1823. Одесса, 1838. Т. 2: 1796–1823.
- Смирнова-Россет. 1989 – А. О. Смирнова-Россет. Автобиографические записки // Дневник. Воспоминания. Сост. С. В. Житомирская. М., 1989 (Литературные памятники).
- Соколов. 1853 – Г. И. Соколов. Александр Федорович Панагидор-Николул: Некролог // ЗООИД. 1853. Т. 3. Отд. 3. (с редакторскими подстрочными примечаниями Н. Н. Мурзакевича).
- Спаский. 1846 – Г. И. Спаский. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846.
- Спаский. 1970 – И. Г. Спаский. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики // НЭ. 1970. Т. 8.
- Стемпковский. 1824 а – И. А. Стемпковский. О местоположении древнего города Танаиса. (Отрывок из письма к И. П. Бларамбергу) // ВЕ. 1824. Февр. № 4.
- Стемпковский. 1824 б – И. А. Стемпковский. Второе письмо о местоположении древнего города Танаиса // ВЕ. 1824. Декабрь. № 23.
- Стемпковский. 1824 в – И. А. Стемпковский. О трудах дюка Ришелье по части управления в полуденной России / Пер. с франц. А. Зиновьева // ВЕ. 1824. № 16 (перевод с франц. из: Journal Asiatique. 1822)
- Стемпковский. 1824 г – И. А. Стемпковский. Письмо редактору. Саратов, 11 февраля 1824 г. // ВЕ. 1824. Ч. 134 (Февраль). № 3.
- Стемпковский. 1825 – И. А. Стемпковский. Классические древности. Известия о новых открытиях по части древностей в Южной России, 1824 года // Библиографические листы. 1825. 20 сент. № 24. (то же на франц. яз: Stempkowski. 1825).
- Стемпковский. 1826 а – И. А. Стемпковский. Выписка из письма (из Одессы, от 13 июля 1826 г.) // ОЗ. 1826. Ч. 28. Кн. 78. (об открытии Керченского музея, об археологических находках в Одессе, о памятнике герцогу Ришелье в Одессе).
- Стемпковский. 1826 б – И. А. Стемпковский. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского, между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 году, остатков древности в Одессе // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 73. Кн. 74. (между С. 300–301 – «Карта сравнительная, древней и новой географии берегов Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном, составленная полковником И. Стемпковским 1825 года»). Отд. отт.: СПб., 1826.
- Стемпковский. 1826 в – И. А. Стемпковский. О древнейших монетах царей Востора Киммерийского (письмо от 24 мая 1826 г.) // ОЗ. 1826. Ч. 27. Кн. 75. (о монетах Левкона).
- Стемпковский. 1827 а – И. А. Стемпковский. Выписка из письма, Одесса 11 марта 1827 г. О новой находке в Керчи (надгробного камня) // ОЗ. 1827. Кн. 30. (о надгробии с греческой надписью КБН 801).
- Стемпковский. 1827 б – И. А. Стемпковский. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. (сокращенное изложение: ОВ. 1827. № 37).
- Стемпковский. 1827 в – И. А. Стемпковский. О названиях месяцев у древних ольвиополитов // Московский вестник. 1827. Ч. 3.
- Стемпковский. 1827 г – И. А. Стемпковский. Известие о древностях, найденных в Одессе, в течение 1826 г. // ОЗ. 1827. Ч. 30. Отд. отт.: СПб., 1827.
- Стемпковский. 1827 д – И. А. Стемпковский. Письмо А. А. Писареву (о медалях Радамеадиса) // Труды и записки МОИДР. 1827. Ч. 3. Кн. 2.
- Стемпковский. 1827 е – И. А. Стемпковский. Письмо А. А. Писареву с представлением статьи «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» // Труды и записки МОИДР. 1827. Ч. 3. Кн. 2.
- Стемпковский. 1827 ж – И. А. Стемпковский. Письмо из Одессы от 8 августа 1827 г. О заложении основания памятника дюку Ришелье // ОЗ. 1827. Ч. 31.
- Стемпковский. 1828 – И. А. Стемпковский. Заметка о древностях // ОВ. 1828. № 100 (о надписях КБН 73, 1036).
- Стемпковский. 1829 а – И. А. Стемпковский. Археология // ОВ. 1829. № 79.
- Стемпковский. 1829 б – И. А. Стемпковский. Надпись, найденная в Керчи // ОВ. 1829. № 39. (о надписи КБН 17).
- Стемпковский. 1831 – И. А. Стемпковский. Радаис и Индар: Скифский рассказ (отрывок из древней греческой рукописи) // Одесский альманах на 1831 год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. Одесса, 1831.
- Стемпковский. 1832 а – И. А. Стемпковский. Надпись времен Тиберия Юлия Рискупорида, царя Восторского // ОВ. 1832. № 52. (об обстоятельствах находки в Керчи надписи КБН 70).
- Стемпковский. 1832 б – И. А. Стемпковский. Надпись царя Спартока, сына Перисадова // ОВ. 1832. № 63. (о посвященной надписи КБН 24, найденной в Керчи в июле 1832 г.).
- Стемпковский. 1854 – И. А. Стемпковский. Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса // Прописи. М., 1854. Кн. 4.
- Стемпковский. 1877 – И. А. Стемпковский. О трудах дюка де Ришелье по части управления в полуденной России // ЗООИД. 1877. Т. 10. Отд. отт.: Одесса, 1877 (перепечатка: Стемпковский. 1824).
- Струве. 1968 – В. В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
- Тилло. 1897 – А. А. Тилло. Институт Франции, по поводу столетия его существования. СПб., 1897.
- Тункина. 1987 – И. В. Тункина. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // СА. 1987. № 4.
- Тункина. 1993 а – И. В. Тункина. Незданная работа М. И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» // ПАВ. 1993. № 5.
- Тункина. 1993 б – И. В. Тункина. Формирование исследовательских программ в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII–середина XIX вв.) // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции (11–13 декабря 1990 г.). СПб., 1993.
- Тункина. 1994 – И. В. Тункина. Член-корреспондент Парижской Академии надписей И. А. Стемпковский и ученые Петербургской Академии наук // Петербургские

чтения: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 291-летию С.-Петербурга, 23–27 мая 1994 г. СПб., 1994.

Тункина. 1995 – И. В. Тункина. Новые материалы о коллекции древностей И. П. Бламберга // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тез. докл. науч. конф. Белгород-Днестровский, 1995.

Тункина. 1999 а – И. В. Тункина. Забытый археолог – знакомый Пушкина (об Иване Алексеевиче Стемповском) // *Gazeta Petersburska*. 1999. № 5(6).

Тункина. 1999 б – И. В. Тункина. В. В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999.

Тункина. 1999 в – И. В. Тункина. А. С. Пушкин и археологи юга России // Пушкин и классические древности. СПб., 1999.

Уткина. 1999 – Л. М. Уткина. Академик Е. Е. Кёлер и Эрмитаж // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999.

Ф. К. 1909 – Ф. К. Стемповский Иван Александрович (sic! ошибка, правильно Алексеевич) // Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т.: Смеловский-Суворина.

Фельдман. 1990 – В. Фельдман. На заре одесской книжности // Есть город у моря: Краеведческий сборник. Одесса, 1990.

Формозов. 1961 – А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961.

Формозов. 1986 – А. А. Формозов. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

Фролов. 1967 – Э. Д. Фролов. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967.

Х. Ш. 1827 – Х. Ш. Письма к издателям. Севастополь, 1827 сентября 26 // Северная пчела. 1827. 20 октября; 22 октября.

Цявловский. 1991 – М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799–1826. Л., 1991.

Чарнецкий. 1990 – В. Чарнецкий. Заметки о пушкинских местах // Есть город у моря: Краеведческий сборник. Одесса, 1990.

Черейский. 1989 – Л. А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1989.

Шевелев. 1850 – Е. Шевелев. Рец. на кн.: А. Б. Ашик. Восточное царство. Одесса, 1848–1849. Ч. 1–3 // ЗОО-ИД. 1850. Т. 2. Отд. 2–3.

Шелов. 1953 – Д. Б. Шелов. Сухо-Чалтырское городище // ВДИ. 1953. № 2.

Эфрос. 1933 – А. М. Эфрос. Рисунки поэта. М., 1933.

Юргевич. 1889 – В. Н. Юргевич. Исторический очерк 50-летия Имп. Одесского общества истории и древностей, 1839–1889. Одесса, 1889.

Dubois de Montpèreux. 1843 – F. Dubois de Montpèreux. Voyage autour du Caucase. P., 1843. Т. 5.

Köhler. 1823 – H. K. E. Köhler. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées par Raoul-Rochette. Paris, 1822 // *Serapis*. SPb., 1823. Th. 1. Переиздана: H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd. 1.

Köhler. 1824 – H. K. E. Köhler. Du chateau royal du Bosphore et de la ville Gargaza dans la Chersonèse Taurique // *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*. V serie. 1824. Т. 9.

Köhler. 1826 – H. K. E. Köhler. Mémoire sur les îles et la Course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*. V serie. 1826. Т. 10.

Köhler. 1850 a – H. K. E. Köhler. Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus, von Peter v. Köppen. Wien, 1823 // *Gesammelte Schriften*. SPb., 1850. Bd. 2.

Köhler. 1850 б – H. K. E. Köhler. Das königliche Schloss des Bosphorus und die Stadt Gargaza auf der taurischen Halbinsel // *Gesammelte Schriften*. SPb., 1850. Bd. 2.

Köppen. 1823 a – P. Köppen. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823.

Köppen. 1823 б – P. Köppen. Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Wien, 1823 (переиздано в собраниях сочинений Е. Е. Кёлера: H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften. SPb. 1850. Bd. 2: *Serapis*. Th. 2).

Latyshev. 1885–1916 – B. Latyshev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici. Petropoli, 1885–1916. Vol. primum: 1885; Vol. secundum, inscriptiones regni Bosphorani continens. Accedunt tabulae duae geographicae: 1890; Vol. quartum, supplementa continens per annos 1885–1900 collecta. Accedit tabula zyncotypica: 1901; Vol. 1 (2 ed.). 1916.

Latyshev. 1893–1906 – B. Latyshev. Skythica et Caucasic. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906. Т. 1–2. Вып. 1–5.

Raoul-Rochette. 1822 – D. Raoul-Rochette. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées. Paris, 1822.

Stempkovski. 1822 a – J. de Stempkovski. Notice sur les médailles de Rhadaméadis, roi inconnu du Bosphore-Cimmérien, découvertes en Tauride en 1820 // *Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées* par M. Raoul-Rochette. Paris, 1822. Отд. отт.: Paris, 1822.

Stempkovski. 1822 б – J. de Stempkovski. Mémoires sur l'ouverture du port de Kertch, en Crimée sur la mer Noire. Paris, 1822 (отд. отт. из: *Annales de l'industrie; Revue Encyclopedique*. 1822. Т. 15).

Stempkovsky. 1825 – J. de Stempkovsky. Sur les antiquités découvertes pendant l'année 1824 dans le midi de la Russie // *Journal de St.-Petersbourg politique et littéraire*. 1825. 1/13 octobre. № 118. (рус. текст см.: Стемповский. 1825).

Stempkovsky. 1827 a – J. Stempkovsky. De l'existence d'un établissement grec sur une partie d'emplacement qu'occupe aujourd'hui la ville et le port d'Odessa // *Journal d'Odessa*. 1827. № 40 (о поселении истриан на месте Одессы).

Stempkovsky. 1827 б – J. Stempkovsky. Médaille de Mithridate III, roi du Bosphore Cimmérien et de la reine Gépaeris // *Journal d'Odessa*. 1827. №№ 11, 15, 16, 21–23. Отд. отт.: Odessa, 1827.

Stempkovsky. 1827 в – J. Stempkovsky. Problèmes numismatiques // *Journal d'Odessa*. 1827. № 60, 61; 1830. № 21 (о боспорских монетах с монограммой BAE).

Stempkovsky. 1827 г – J. Stempkovsky. Quelques idées sur les recherches d'antiquités dans le Bosphore // *Journal d'Odessa*. 1827. № 37 (сокращенный фр. перевод статьи: Стемповский. 1827 б).

Stempkovsky. 1828 – J. Stempkovsky. Notice historique sur la ville de Nymphée // *Journal d'Odessa*. 1828. № 33; № 45; № 46.

Stempkovsky. 1829 a – J. Stempkovsky. Antiquités // *Journal d'Odessa*. 1829. № 29 (о надписи КБН 1036); № 39 (о надписях КБН 50, 61).

Stempkovsky. 1829 б – J. Stempkovsky. Décret des Arcadiens en faveur de Leucon, prince du Bosphore // *Journal d'Odessa*. 1829. № 44. (о декрете в честь Левкона: КБН 37).

Stempkovsky. 1829 в – J. Stempkovsky. Médaille de Pharaon, ancien roi du Bosphore-Cimmérien // *Journal d'Odessa*. 1829. № 75. (то же: *Journal de St.-Petersbourg*. 1829. № 138. – о монетах боспорского царя Фарсанта).

Stempkovsky. 1829 г – J. Stempkovsky. Nouvelles découvertes numismatiques // *Journal d'Odessa*. 1829. № 77 (рус. перевод: ОВ. 1829. № 79).

Stempkovsky. 1829 д – J. Stempkovsky. Palimpseste, découvert dans le Bosphore // *Journal d'Odessa*. 1829. № 75. (о греческой надписи с именем боспорского царя Радамсада: КБН 65).

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СТАТУИ ВИНКЕЛЬМАНА НА ГЛАВНОМ ФАСАДЕ НОВОГО ЭРМИТАЖА В ПЕТЕРБУРГЕ

9 декабря 1992 года исполнилось 275 лет со дня рождения И. И. Винкельмана. Дата эта была отмечена Российской Академией художеств, организовавшей небольшую конференцию, посвященную памяти выдающегося немецкого ученого, автора знаменитого труда «История искусства древности». К заседанию в Москве я подготовила доклад «Статуя И. И. Винкельмана на фасаде Нового Эрмитажа в Петербурге». Мне хотелось лишь обратить внимание коллег на этот уникальный для Петербурга памятник и вспомнить имя автора статуи.

В литературе, посвященной строительству Нового Эрмитажа, о декоративной скульптуре говорится, как правило, немного и обычно называется несколько имен. Так, в книге А. Н. Ворониной и Т. М. Соколовой «Эрмитаж, Здания и залы музея» читаем: «В скульптурных работах принимали участие П. В. Свинцов, Н. А. Токарев, А. В. Логановский, В. И. Демут-Малиновский, Д. И. Иенсен, Н. А. Устинов, А. И. Теребенев, И. И. Реймерс и К. А. Клейн» (Воронина. 1967. С. 19). В коллективной работе под редакцией В. И. Пилявского и В. Ф. Левинсона-Лессинга «Эрмитаж. История и архитектура зданий» в главе о Новом Эрмитаже, написанной Р. Д. Люлиной и В. И. Пилявским, после перечисления статуй, украшающих фасады, сообщается, что: «Небольшие модели этих фигур поступили из Мюнхена. Известно, что некоторые из них исполнил баварский скульптор Гальбиг» (Пилявский. 1974. С. 235). Имя Гальбига, или правильнее – Хальбига, как автора моделей эрмитажной скульптуры, названо и в последнем фундаментальном труде «Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий»: «Небольшие модели перечисленных фигур поступили из Мюнхена. Известно, что их исполнил И. Гальбиг. Сами же статуи были отлиты из шпиадра (цинка-сырца) с добавлением свинца и железа на московской фабрике В. Крумбюгеля по моделям в натуральную величину, выполненным крупнейшими петербургскими скульпторами. В. И. Демут-Малиновский исполнил модели статуй Пихлера, Диоскуриды, Смилиды и Оната (последние две закончил Теребенев), Н. Токарев –

Stempkovsky. 1830 a – J. Stempkovsky. Monument élevé à l'empereur Adrien par Rhœmétalcès, roi du Bosphore // *Journal d'Odessa*. 1830. № 93 (о надписи из Керчи, выброшенной морем в 1830 г.: КБН 47).

Stempkovsky. 1830 б – J. Stempkovsky. Inscription grecque découverte dans l'île de Taman // *Journal d'Odessa*. 1830. № 101 (о надписи КБН 1051, найденной у ст. Тамань).

Sztetyllo. 1969 – Z. Sztetyllo. Paul Dubruх – «ojciec archeologii bosporskiej» // *Meander*. 1969. Rok 24. № 1.

Л. И. Давыдова

Раймонди, Федона, Рафаэля Моргена, А. Логановский – Фидия, Н. Свинцов – Рембрандта, Н. Устинов – Винкельмана и Дедала. Все остальные статуи явились итогом творческого содружества Д. Иенсена, К. Клейна, И. Реймерса» (Эрмитаж. 1989. С. 410). Имя скульптора Гальбига, автора моделей, мне было неизвестно. Да и в русской литературе статей о нем почти нет, за исключением одной, в 65 номере журнала «Всемирная иллюстрация» от 28 марта 1870 года. Поэтому основное внимание в московском докладе было уделено творчеству этого известного в свое время мюнхенского мастера. Вопрос же об авторстве модели статуи Винкельмана, остававшийся не до конца ясным, необходимо было уточнить в архивах (РГИА и ГИОПа), и уже эти, уточненные, сведения предлагаются вашему вниманию.

Прежде, чем перейти к изложению материала, касающегося непосредственно статуи Винкельмана, я хотела бы напомнить несколько известных, но необходимых для общего повествования фактов:

Статуя, о которой пойдет речь, украшает южный фасад Нового Эрмитажа, возведенного по проекту выдающегося немецкого архитектора Лео фон Кленце в 1842–1851 годах в Петербурге. То, что строительство императорского музея было осуществлено баварским архитектором Кленце – не случайно. К концу 30-х годов XIX века, когда стала очевидной необходимость строительства специального здания для размещения разросшихся коллекций Зимнего дворца, именно Кленце был известен в Европе как специалист по музейной архитектуре и, прежде всего, как строитель Мюнхенских Глиптотеки и Пинакотеки, возведенных для собраний Людвига I Баварского. Во время пребывания Николая I в Мюнхене в 1838 году Кленце показал русскому императору свои знаменитые постройки, следствием чего и явилось приглашение Кленце в Россию. В мае 1839 года он прибыл в Петербург, а уже через два месяца был представлен проект устройства музея «в Шепелевском дворце (был снесен во время постройки музея – Л. Д.) и Эрмитажном

СОДЕРЖАНИЕ

I. MEMORABILIA

Д. А. Мачинский	Продолжая беседу	9–10
И. Ю. Шауб	Юрий Викторович Андреев (1937–1998)	10–16
А. И. Зайцев	Юрий Викторович Андреев. Научное наследие	16–20
В. М. Массон	Крито-микенская проблематика в отечественной исторической литературе и разработки Ю. В. Андреева	20–24
Н. С. Широкова	Греческое искусство в творчестве Ю. В. Андреева	24–26
В. Л. Глазычев	Ю.В. Андреев Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации	27–28
Н. Е. Перл	О книге Ю. В. Андреева «Цена свободы и гармонии»	28–30
Е. Ю. Андреева	Об отце	31–32

II. ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Г. П. Григорьев	Женские статуэтки эпохи палеолита как художественное явление	33–44
Д. А. Мачинский	Об образном строе серебряных и золотых художественных изделий из Майкопского кургана	45–70
К. Х. Кушнарева, М. Б. Рысин	Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время	70–90
И. М. Дьяконов, Н. Б. Янковская	Поминальная чаша	91–98
Л. С. Клейн	Инвазия с севера на среднеминойский Крит: оценка достоверности гипотезы	98–103

III. СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Н. Н. Казанский	Знак /da/ микенского силлабария в аттических надписях классической эпохи (К проблеме преемственности / прерыва в греческой культуре на рубеже II–I тыс. до н. э.)	105–108
А. И. Зайцев	Орфики и древнейший греческий календарь	108–110
С. А. Тахтаджян	К вопросу о возникновении «ликургова строя» в Спарте	110–111
Л. П. Маринович	Презирали ли древние греки труд?	111–117
В. Л. Глазычев	Проблема интеллектуала: от классики к эллинизму	117–121
И. Ю. Шауб	О семантике образа Европы	122–125
Е. Н. Ходза	Терракотовые статуэтки мальчиков из собрания Эрмитажа	125–131
А. К. Нефёдкин	Пажеский корпус при Александре Великом	131–136
А. В. Круглов	Мраморные кратеры в убранстве римского сада	136–142
М. М. Лесницкая	Архаистические традиции в римской круглой скульптуре II в.	142–147

IV. ЗАПАД И ВОСТОК. ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

П. В. Шувалов	Венециано-далматинское побережье и история Эгеиды	148–151
К. Н. Гаврилин	К вопросу об этрусско-финикийских взаимосвязях в архаический период	151–157
Н. С. Широкова	Сакральное пространство кельтской мифологии	157–162
М. Д. Бухарин	Два фрагмента «Индики» Мегасфена об индийских «философах»	162–167

В. П. Никоноров	Парфянские литавры	167–174
Д. В. Панченко	Греческое происхождение концепции небесной сферы в китайской космологии	174–184
Ю. Е. Берёзкин	Восточносредиземноморская мифология в Америке	185–197

V. ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

С. П. Борисовская	Геракл и Антей. Об одном малоизвестном лекифе из Ольвии	198–201
Ю. И. Ильина	О новых находках восточно-греческой керамики на острове Березань	201–209
М. Ю. Вахтина	Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье	209–217
С. А. Данильченко	Чернолаковая аттическая керамика поселения Козырка II	217–222
К. К. Марченко	Хронология Елизаветовского городища на Дону	222–227
Ю. А. Виноградов	К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского	227–232
С. Р. Тохтасьев	Газа, любимая жена Дия	232–236
А. М. Бутягин	Архаический дом в Мирмекии	237–242
Д. Е. Чистов	Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н. э.	242–251
Н. З. Кунина	Стеклянный скульптурный портрет из Нимфея	251–254
В. А. Горончаровский	Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна?	255–257
В. И. Денисова	Боспор конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. (к проблеме переименования городов)	258–263
С. Ю. Сапрыкин	Фракия и Боспор на рубеже нашей эры	263–269
Е. Я. Рогов	Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму	269–274
В. Ф. Столба,	Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище (Северо-Западный Крым)	274–280
А. С. Голенцов	Перстень-печать из херсонесского склепа № 1012	280–283
Ю. П. Калашиник	Божественная египетская триада в Херсонесе	
Ю. Г. Виноградов,	Таврическом	284–294
М. И. Золотарев		

VI. СКИФСКИЕ И САРМАТСКИЕ ДРЕВНОСТИ. ДРЕВНЯЯ РУСЬ

А. Ю. Алексеев	Наконечники стрел из Александропольского кургана и их значение для истории скифских древностей IV в. до н. э.	295–303
В. Ю. Зуев	Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка	304–330
Д. В. Журавлев	О сарматских мотивах в краснолаковой керамике	331–342
С. В. Белецкий	Княжеские знаки на днищах сосудов из Могилева	342–345

VII. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

А. В. Ипполитов	Символика Золотого века в росписях потолка Сикстинской капеллы Микеланджело	346–354
Г. С. Кнабе	Перед Пушкиным. Античное наследие в русской культуре конца XVIII – начала XIX веков	354–357
И. В. Тункина	Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии	357–379
Л. И. Давыдова	К истории создания статуи Винкельмана на главном фасаде Нового Эрмитажа в Петербурге	379–386
О. Я. Неверов	Коллекция гемм профессора Росса	387–390